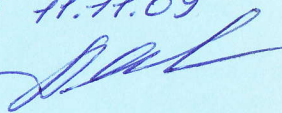

Վեհաքաղաքի արտօրերի Զ. Բ. Ինֆորմացիոնային
լուստեղծարարական կենտրոնի Կ. Կոմիտասի անվան
ՀՀ ՊՆ Դ. ԿԱՆԱՅԱՆԻ ԱՆՎԱՆ ԱԶԳԱՅԻՆ ՌԱԶՄԱՎԱՐԱԿԱՆ
ՀԵՏԱԶՈՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ 11.11.09

Ա-26

Աթանեսյան Արթուր Վլադիմիրի

ԿՈՆՖԼԻԿՏԱՅԻՆ ՀԱՂՈՂԱԿՑՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ԵՎ
ՏԵՂԵԿԱՏՎԱԿԱՆ ԱՆՎՏԱՆԳՈՒԹՅԱՆ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ

ԻԳ.00.02 – “Քաղաքական ինստիտուտներ և գործընթացներ”
մասնագիտությամբ քաղաքական գիտությունների դոկտորի գիտական
ասպիճանի հայցման ատենախոսության

ՄԵՂՄԱԳԻՐ

ԵՐԵՎԱՆ – 2009

ИНСТИТУТ НАЦИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ МО РА ИМ. Д. КАНАЯНА

Артур Владимирович Атанесян

КОНФЛИКТНЫЕ КОММУНИКАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ
ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук
по специальности 23.00.02 – “Политические институты и процессы”

ЕРЕВАН – 2009

Ատենախոսության թեման հաստատվել է Երևանի պետական համալսարանում

Պաշտոնական ընդդիմախոսներ՝ քաղաքական գիտությունների դոկտոր պրոֆեսոր Մ. Մ. Մարգարյան, պատմական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր Վ. Գ. Շադրյանի պատմական գիտությունների դոկտոր Ա. Գ. Ավագյան

22-2

Առաջատար կազմակերպություն՝ Հայաստանի պետական ճարտարագիտական համալսարան

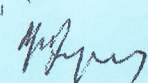
Ատենախոսության պաշտպանությունը տեղի կունենա 2009թ. դեկտեմբերի 10-ին, ժամը 14.00. ՀՀ ՊՆ ԱՌՀԻ-ում գործող ՀՀ ԲՈՀ-ի 056 մասնագիտական խորհրդի նիստում:

Մասնագիտական խորհրդի հասցեն՝ ՀՀ, 0037 Երևան, Ուլսեցու փողոց 56/6:

Ատենախոսությանը կարելի է ծանոթանալ ՀՀ ՊՆ ԱՌՀԻ-ի գրադարանում:

Մեղմագիրն անարված է 2009 թ. նոյեմբերի 9-ին:

Մասնագիտական խորհրդի գիտական քարտուղի Պատմական գիտությունների դոկտոր

 Պ. Ա. Չորանյան

Тема диссертации утверждена в Ереванском государственном университете

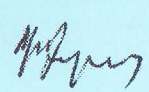
Официальные оппоненты: доктор политических наук, профессор М. М. Маргарян, доктор исторических наук, профессор В. Г. Шадурский, доктор исторических наук А. Г. Авагян

Ведущая организация: Государственный инженерный университет Армении

Защита состоится 10 декабря 2009 в 14.00 часов на заседании действующего в ИНСИ МО РА специализированного совета 056 ВАК РА. Адрес специализированного совета: 0037 Ереван, Улсецу 56/6, РА. С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИНСИ МО РА.

Автореферат разослан 9 ноября 2009 г.

Ученый секретарь специализированного совета Доктор исторических наук

 Պ. Ա. Չոբանյան

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования.

Политические конфликты и кризисы сопутствовали всей истории человечества и являются ее неотъемлемой частью. Исходя из теории реализма в международных отношениях, конфликты и кризисы определяют не только основное содержание политических процессов на макроуровне, но и характеризуют совокупное содержание угроз и вызовов безопасности любой политической системе. Именно поэтому изучение политических конфликтов было и будет насущной, актуальной проблемой научного анализа, а также практического применения политологических знаний в области политических процессов, действий и решений.

Можно сказать, что изучение конфликтов в политологии и ряде других наук всегда имеет ту или иную степень нацеленности на практическое применение полученного знания и выводов. Непосредственная и прямая связь между теорией и практическим применением знаний и выводов, полученных в результате анализа политических конфликтов на макро, мезо и микроуровнях, делает исследование конфликтов и кризисов перманентно насущным в политологии и ряде смежных дисциплин.

Конфликтные взаимоотношения могут быть выявлены по изменениям в коммуникациях участников. Существует ряд закономерностей, которые отмечаются на уровне коммуникативных изменений конфликтующих сторон и которые в определенной мере характеризуют такие качества конфликта, как его интенсивность, глубину, остроту протекания, конфликтный потенциал участников, и т.д. Коммуникативная картина взаимоотношений и взаимовосприятий участников конфликта может служить своеобразным “зеркалом”, отражающим динамику развития конфликта и то, каковы перспективы его урегулирования и разрешения.

Конфликтные коммуникации являются важнейшей областью протекания конфликтных отношений, характеризующей намерения участников конфликта, их возможности по воздействию друг на друга и на внешнюю среду конфликта, их стратегии информационно-коммуникативного поведения. Наиболее острой и становящейся все более актуальной теоретико-концептуальной и прикладной проблемой является информационная безопасность как часть системы конфликтных коммуникаций, как деятельность по обеспечению безопасности той или иной политической системы информационными средствами обороны и нападения. Информационная безопасность является одной из наиболее актуальных исследовательских проблем в современной политической науке и ряде смежных дисциплин, и вместе с тем стратегической задачей любой политической системы по обеспечению собственной безопасности в информационно-коммуникационном поле, с использованием информационно-коммуникативных средств реализации собственных интересов. Актуальность проблем информационной безопасности резко возрастает в условиях участия политической системы в конфликте и кризисе, когда угрозы и вызовы ее безопасности зачастую разворачиваются именно в информационно-коммуникационном поле конфликта.

Степень научной разработанности проблемы.

Проблемы конфликтных коммуникаций являются наименее разработанной

областью исследований в современной политической науке, теории международных отношений, социально-политической философии, социологии. Более того, сам феномен конфликтных коммуникаций как коммуникативных процессов между участниками конфликта, определяющих динамику конфликта и составляющих одну из основных функциональных проявлений любого конфликта, в том числе политического, является неразработанной проблемой. Современная психология является в этом смысле более успешной, т.к. изучение человеческого фактора коммуникаций (общения), в том числе в условиях внутри- и межличностных конфликтов, является одной из задач социальной психологии личности и группы. Результаты разработок в области психологии оказывают определенное влияние на анализ конфликтных коммуникаций на более высоком – среднем и макроуровне социальных взаимодействий, а также на попытки изучения конфликтных коммуникаций в области политики. Тем не менее, приходится констатировать наличие на сегодняшний день лишь разрозненных попыток определить сферы конфликтных коммуникаций, таких, как коммуникации между участниками различных типов политического процесса. Более успешны попытки ученых второй половины 20-го века изучить так называемые случаи (кейсы) - исторические события в социально-политической жизни западных стран, отмеченные острым конфликтом и кризисом, в условиях которых стороны проявляли различные коммуникативные особенности. В частности, на основе изучения кейсов и благодаря воздействию накопленного эмпирического материала в области современной психологии, конфликтологии и политической психологии развили ряд концептов, характеризующих восприятие участников конфликта¹. Проблемы восприятия в конфликте являются наиболее разработанной областью исследования конфликтных коммуникаций, однако, восприятие участников конфликта, как уже было сказано, является лишь одним из элементов конфликтных коммуникаций.

Конфликтные коммуникации являются основным объектом данного диссертационного исследования. Конфликтные коммуникации – это необходимая часть стратегии и тактики конфликтных отношений; конфликтные коммуникации направлены на достижение превосходства в конфликте с другими участниками, создание и поддержание образа врага и образа жертвы, ведение эффективной информационной войны и создание системы информационно-коммуникативной защиты. Термин “конфликтные коммуникации” тесно связан с термином “коммуникации в конфликте” и, тем не менее, именно конфликтные коммуникации, а не коммуникации в конфликте, стали основным объектом исследования в данной работе. Содержание предлагаемого нами в данном исследовании термина “конфликтные коммуникации” отличается от содержания термина “коммуникации в конфликте” тем, что, во-первых, коммуникации в конфликте включают в себя не только вербальные и невербальные средства коммуникации (тексты, образы, символы, дейст-

¹ См., например: Richardson, J. L. *Crisis diplomacy: the great powers since the mid-nineteenth century*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994, 438 p.; Janis I. L., Mann L. *Decision-Making: A Psychological Analysis of Conflict, Choice, and Commitment*. NY: Free Press, 1977, 488 p.; Jervis, R. *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton: Princeton University Press, 1976, 464 p.; Егорова, Е. В. США в международных кризисах. М.: “Наука”, 1988, 176 стр.

вия) и средства их передачи (Масс Медиа, Интернет, непосредственные межличностные контакты представителей враждующих элит и обществ), но и так называемые физические коммуникации – транспортные коммуникации, энергетические коммуникации, торгово-экономические коммуникации и финансовые потоки, которые выходят за рамки объекта данного исследования.

Во-вторых, *конфликтные коммуникации имеют целью осуществление конфликтных намерений, их успешное воздействие с целью достижения информационно-психологического, идеологического и правового превосходства над противником.* Термин “конфликтные коммуникации” выражает крайне реалистичные процессы и намерения участников конфликта по одержанию информационно-психологического, идеологического превосходства с конечной целью одержания победы в конфликте. В отличие от “конфликтных коммуникаций” как основного объекта данного диссертационного исследования, термин “коммуникации в конфликте” более широк и включает в себя не только конфликтные коммуникации, но и неконфликтные коммуникации между участниками политического конфликта на уровне элит и общества, как, например, переговоры, общение на уровне представителей неправительственных организаций, и т.д. Последние (неконфликтные коммуникации в конфликте) также затрагиваются в данной работе, но не являются основным объектом исследования. Именно конфликтные коммуникации являются основным объектом данного диссертационного исследования. Таким образом, конфликтные коммуникации – это, во-первых, коммуникативное поле конфликтных взаимоотношений; во-вторых, это – система стратегий и тактик ведения информационной войны и обеспечения информационно-коммуникативной поддержки принимаемых в конфликте политических, военных, экономических, демографических решений.

Конфликтные коммуникации включают целый ряд проблем и аспектов, неисученных в современной политологии и смежных науках, имеющих теоретический и прикладной характер и представляющих важное значение в системе современных политических процессов, среди них – само явление конфликтных коммуникаций как неотъемлемая часть конфликтных отношений, особенности конфликтных коммуникаций, их специфика в условиях различных типов политических конфликтов, их воздействие на взаимоотношения (интеракции) между участниками, а также на динамику развития конфликта и возможности управления конфликтом и кризисом.

Среди проблем конфликтных коммуникаций особое место занимает развитие и трансформация современного понимания информационной безопасности, ее военно-политической и информационно-психологической составляющих. Информационная безопасность как наименее разработанная область политической деятельности государства и общества приобретает особую важность в условиях современных угроз и вызовов информационно-психологического и технологического характера. В контексте ускоренного развития современных информационно-политических технологий, а также процессов глобализации и активного противопоставления глобальным процессам проявлений религиозного фанатизма, терроризма и национализма, сфера информационно-коммуникативной деятельности государства и негосударственных субъектов нуждается в постоянном анализе, систематизации, координации и институционализации усилий по обеспечению защиты национальных интересов в глобальном и региональном информационном поле. Это в особой

степени относится к информационной безопасности РА и НКР, подвергаемых постоянным интенсивным информационным атакам по поводу карабахского конфликта, взаимоотношений с соседями, региональной и внешней политики. Этим, а также целому ряду смежных проблем и их решению посвящено данное диссертационное исследование.

Цели и задачи исследования.

В работе ставится ряд основных целей:

- Прежде всего – изучение современных конфликтных коммуникаций в качестве самостоятельного объекта исследования. Конфликтные коммуникации как совокупность явлений и процессов, происходящих на микро, мезо и макроуровнях социально-политических отношений, являются практически неизученными в качестве самостоятельного объекта исследования. В работе предпринята попытка изучения малоисследованных и неисследованных аспектов конфликтных коммуникаций.

- Особенности функционирования конфликтных коммуникаций прослеживались в диссертационном исследовании по их проявлениям в социально-политических и массовых коммуникациях; с этой целью предварительно были изучены и проанализированы современные теории политических и массовых коммуникаций.

- Одной из целей исследования было выявление роли информационно-коммуникативных процессов в динамике развития конфликтных отношений. В частности, в работе исследуются информационно-коммуникативные составляющие ряда современных международно-политических, социально-политических, межэтнических, внутриполитических и международно-экономических конфликтов, динамика развития коммуникативных процессов в условиях конфликта и кризиса. Кроме того, одной из задач исследования был анализ символических форм, несущих на себе нагрузку конфликтных коммуникаций в условиях общения между участниками конфликта.

- Особое внимание уделено ранее неизученным проблемам взаимосвязи между коммуникациями и интеракциями в конфликте. Целостное представление о динамике развития любого конфликта невозможно без исследования его коммуникативной составляющей, без анализа взаимосвязи коммуникаций и интеракций в конфликте как двух необходимых компонентов конфликтных взаимоотношений, из которых в науке достаточное внимание уделено лишь одной составляющей – системе действий и взаимодействий участников конфликта, т.е. интеракциям. Конфликтные коммуникации, их роль в динамике развития конфликта, их воздействие на конфликтные интеракции и ряд других важнейших проблем в этом смысле в политической науке оставались практически неисследованными.

- Одной из задач исследования было построение моделей взаимосвязи между коммуникациями и интеракциями участников конфликтов различной динамики и интенсивности развития. Построенные на анализе ряда современных международно-политических, социально-политических, межэтнических конфликтов модели коммуникации и взаимодействия участников конфликтов демонстрируют различные варианты развития конфликта в зависимости от роли коммуникативной составляющей и ее связи с интерактивной компонентой конфликтных взаимоотношений. Данные модели применимы для анализа конфликтов различных типов в настоящем и будущем.

- Одной из задач исследования был анализ так называемого “информационного поля конфликта”, которое рассматривается в работе как информационно-коммуникативный аналог “поля боя” в традиционной войне. Именно на “информационном поле конфликта” проявляются информационно-коммуникативные стратегии участников конфликта, направленные на сдерживание, манипулирование сознанием и поведением соперника, на его нейтрализацию и уничтожение. Соответственно, в задачу исследования входило изучение ряда концепций и приемов ведения информационных войн в недавнем прошлом и настоящем, которые, будучи малоизученной областью социально-политических коммуникаций в конфликте и кризисе, нуждались в анализе и сравнении с аналогичными методами ведения информационной борьбы в современных конфликтах. Специальное внимание в работе уделено концептуальным основам, а также методам пропаганды в условиях ведения информационной войны.

- Одной из основных задач исследования был анализ современных представлений и концепций информационной безопасности. Информационная безопасность рассматривается как наименее разработанная сфера необходимых действий, направленных на нейтрализацию информационно-коммуникативных, информационно-психологических угроз, нацеленных на переубеждение, нейтрализацию, деморализацию, парализацию или склонение противника к определенным действиям. Информационная безопасность может быть максимально обеспечена на государственном и общественном уровне, для чего необходимо четкое понимание угроз и вызовов информационной безопасности, определение их источников и разработка механизмов сдерживания и противодействия. Именно эти цели преследуются в соответствующих главах диссертационного исследования, в частности, касательно информационной безопасности РА и НКР в карабахском конфликте.

- Для анализа и демонстрации системы угроз и вызовов национальной информационной безопасности РА и НКР исследовалось информационно-коммуникативное поле карабахского конфликта, были выявлены тактики и стратегии ведения Азербайджаном информационной войны в Интернет-пространстве.

- Одной из целей диссертационного исследования было развитие ранее разработанной автором концепции обоснования как коммуникативного механизма легитимации власти и принимаемых политических решений. В работе анализируются дискурсивные процессы обоснования основных решений и подходов в контексте реализации стратегий участников современных конфликтов в Карабахе, Косово, Афганистане и Ираке. В частности, выделяются и классифицируются типы аргументов, приводимых в обоснование стратегий и решений участников конфликтов, выявляется их природа, функциональность и эффективность в системе конфликтных коммуникаций.

- Важной в практическом смысле задачей исследования был анализ информационной составляющей процесса принятия политических решений.

- Наконец, одной из важных задач исследования был анализ современной концепции терроризма в качестве коммуникативного феномена, широко используемого участниками современных политических конфликтов в качестве основной единицы конфликтных коммуникаций и информационно-психологического воздействия. Терроризм как коммуникативный феномен нередко используется не только самими террористами, но и политическими элитами в качестве эффективного

коммуникативно-пропагандистского механизма для манипуляции массовым сознанием и действиями, для проведения определенных политических решений и их легитимации. Коммуникативные эффекты террористических актов являются актуальной разновидностью угроз и вызовов информационной безопасности в современных условиях.

Теоретико - методологические основы исследования.

Диссертационное исследование осуществлено на теоретико-прикладном уровнях. На теоретическом уровне исследование проблем конфликтных коммуникаций и интеракций, вопросов информационной безопасности и информационных войн исследовалось с точки зрения политической теории, теории международных отношений, конфликтологии, а также политической социологии и теорий массовых коммуникаций. В работе анализируются основные положения общей теории коммуникации; подробно и критически анализируются современные западные теории и концепции масс медиа и политических коммуникаций, малоосвещенные в армяноязычной и русскоязычной литературе и проливающие свет на особенности современных социально-политических коммуникаций в условиях современного информационного общества.

В работе использованы основные положения, заимствованные из психологических теорий группового мышления (Groupthink), из конфликтологических теорий восприятия (для анализа особенностей восприятия участников конфликтов). В частности, анализ строился на антагонизме “Восприятие – Ошибочное восприятие” (Perception – Misperception), благодаря чему в работе показан целый ряд феноменов конфликтного восприятия и поведения, основой которых являются различные проявления данного антагонизма.

Теория структурного функционализма была применена не только как общеконцептуальная база исследования особенностей функционирования конфликтных коммуникаций, но и, в частности, для нового определения ряда понятий, лежащих в основе современного понимания безопасности, в частности, информационной безопасности. В терминах структурного функционализма были определены такие понятия теории безопасности, как “безопасность”, “угрозы”, “вызовы”, “состояние безопасности”, и др.

В работе специальное внимание уделяется анализу и развитию современных теорий и концепций информационных войн и пропаганды, сопутствующих конфликтным отношениям, а на современном этапе зачастую несущих на себе основную нагрузку конфликтных отношений между макроигроками. Анализируются конфликтологические взгляды и концепции информационной войны как современного типа конфликтных отношений, в условиях которой основные средства и ресурсы участников мобилизуются для ведения боевых действий в коммуникативно-информационном поле конфликта.

В исследовании ряд проблем рассматривается с точки зрения теории принятия решений; в частности, рассматриваются аналитические теории принятия решений в условиях конфликта и кризиса, исследуется роль и значение информационно-аналитической поддержки принятия и освещения решений в конфликте и кризисе.

В исследовании использовались также современные концепции, разработанные в теории логики и аргументации.

В процессе исследования был применен ряд обще- и общенаучных методов. Одним из них является *системный анализ*, посредством которого различные аспекты конфликтных коммуникаций рассматривались как взаимосвязанные элементы системы конфликтных взаимоотношений. Это позволило выявить особенности различных явлений и аспектов конфликтных коммуникаций в динамике, во взаимосвязи и взаимозависимости.

Исследование различных явлений, феноменов, аспектов конфликтных коммуникаций осуществлялось путем *индукции и дедукции*. Ряд вопросов конкретного, частного характера анализировался на основе общих теорий и концепций; вместе с тем, основные диссертационные выводы концептуального характера строились на основе обобщения частных случаев (кейсов).

В исследовании были применены *методы аналогии и экстраполяции*, позволившие сделать определенные выводы о качествах аналогичных проявлений конфликтных коммуникаций в условиях различных конфликтов. Данные методы очень характерны для исторических, правовых, политологических исследований, где рассматриваются аспекты того или иного явления в контексте различных социальных, политических, экономических, культурных и исторических условий.

Одним из использованных методов исследования является *сравнительный анализ*, позволивший выявлять особенности конфликтных коммуникаций в условиях различных конфликтов, с применением схожих и различных стратегий воздействия на информационное поле конфликта и его участников.

В исследовании применен *метод исследования случаев (Case Study)*, который позволяет делать обобщающие выводы о явлении или процессе как таковом на основании исследования конкретных политических фактов, демонстрирующих, подтверждающих или опровергающих наличие той или иной закономерности. В качестве кейсов, или случаев исследовались примеры конфликтных коммуникаций между участниками ряда современных значимых международно-политических, социально-политических, межэтнических конфликтов, что позволило разработать новые выводы и положения о ряде аспектов конфликтных коммуникаций.

Важным в исследовании был *метод моделирования*, посредством которого разработаны модели конфликтных коммуникаций, демонстрирующие динамику развития и взаимосвязи коммуникаций и интеракций в конфликте и кризисе.

В исследовании применен *метод дискурс-анализа политических выступлений*, связанных с тем или иным современным конфликтом, с целью выявления направленности политического дискурса, степени его конфликтности, выявления использованных характерных символических форм, определения качеств целевой аудитории, используемых приемов воздействия на нее, и др. В частности, специально анализировался политический дискурс вокруг причин и позиций сторон в карабахском конфликте, американский дискурс по поводу необходимости войны в Ираке, а также элементы дискурсов вокруг современных российско-грузинских, российско-украинских противоречий. Для аналогий исследовались элементы конфликтного дискурса эпохи Холодной войны.

В качестве дополнительного метода использовался *анализ документов* – носителей конфликтных коммуникаций между участниками того или иного конфликта, анализировавшегося в рамках дискурс-анализа и исследования случаев.

Научная новизна исследования

В работе представлен ряд разработок и научных выводов, претендующих на научную новизну в теоретическом, концептуальном и прикладном значении:

- В работе впервые представлена система конфликтных коммуникаций в качестве самостоятельного объекта исследования. Конфликтные взаимоотношения, традиционно исследуемые как действия (интеракции) между участниками, в данном исследовании изучались в качестве специфической системы коммуникаций между сторонами конфликтов; данный подход позволил исследовать конфликты как систему взаимосвязанных коммуникаций и интеракций. Впервые определяется и обосновывается понятие “конфликтные коммуникации” и раскрывается его содержание.

- На основе исследования конфликтных коммуникаций между участниками целого ряда современных значимых социально-политических, международно-политических, межэтнических конфликтов, были разработаны новые положения о системе, структуре коммуникативных процессов в конфликте, о роли коммуникативных процессов в динамике развития конфликтов, о воздействии коммуникаций на взаимодействие участников конфликтов.

- Научную новизну в диссертационном исследовании представляют построенные динамические модели развития и взаимосвязи коммуникаций и интеракций в конфликте. Данные модели демонстрируют динамику развития конфликтных отношений с точки зрения распределения коммуникативной и интерактивной составляющих, их соотношения, их уровня и направленности. В работе построено пять моделей взаимосвязи между коммуникациями и интеракциями в конфликте.

- В работе с точки зрения конфликтных коммуникаций анализируется феномен Холодной войны не только как исторический факт биполярного противостояния безопасностных систем НАТО и ОВД, но прежде всего – как актуальная модель информационной войны, как система стратегий воздействия на противника информационно-коммуникативными средствами в условиях объективной ограниченности возможностей военно-силового воздействия.

- Конфликтные коммуникации между сторонами современных “замороженных” конфликтов (на примере карабахского) на этапе информационной войны анализируются в качестве новых “холодных войн”.

- Исследуя проблемы информационной безопасности, принципы структурного функционализма были впервые применены для определения и систематизации ряда основных понятий, характеризующих концепцию безопасности, в частности, ее информационную составляющую. В результате с позиций системы и структуры определены такие понятия, как безопасность и информационная безопасность, состояние безопасности, вызовы и угрозы безопасности, и т.д.

- В работе предлагаются и обосновываются две концепции функционирования пропаганды в системе конфликтных коммуникаций, которые имеют место и активно используются в условиях современных глобальных социально-политических трансформаций – *Концепция “придумывания кризиса” и управления им*, а также *Концепция информационно-политического “перетягивания”* в процессе перераспределения мировых сил влияния и ресурсов.

- В работе определяется система и структура внутренних, региональных и глобальных угроз информационной безопасности РА и НКР, обосновываются поло-

жения о построении системы информационной безопасности наших государств.

- Новизной данной работы является рассмотрение и анализ проблемы освещения политических конфликтов и терроризма в СМИ в качестве важнейших элементов конфликтных коммуникаций.

Таким образом, в диссертационном исследовании впервые поставлен и решен ряд теоретических и прикладных задач.

Теоретическая и практическая значимость работы.

Теоретическое значение имеет привнесение в область политологии и конфликтологии концептуального аппарата и результатов изучения “конфликтных коммуникаций” как нового и важного объекта политологических и междисциплинарных исследований.

Кроме того, привнесение в теоретическую политологию наработок по отдельным проблемам конфликтных коммуникаций в ряде западных критических теорий масс медиа и социально-политических коммуникаций, а также использование принципов теории структурного функционализма в анализе проблем национальной и информационной безопасности, может способствовать обогащению понятийного аппарата, проблематики и системы знания в политологической теории.

Теоретическое значение имеют построенные в работе модели взаимосвязи между коммуникациями и интеракциями в конфликте и кризисе, которые не только раскрывают динамику конфликтных отношений и роль коммуникативных процессов в развитии современных конфликтов, но и применимы для анализа различных политических конфликтов и кризисов в настоящем и будущем.

Теоретико-прикладное значение имеет исследование в работе проблем информационной безопасности, где по-новому, с точки зрения структурного функционализма, определяется ряд основных элементов безопасности и, в частности, информационной безопасности, таких, как “состояние безопасности”, “угрозы безопасности”, и т.д. Данные наработки могут способствовать развитию концепции национальной и информационной безопасности.

Научное значение имеет изучение в работе проблемы терроризма и освещения конфликтов в СМИ в качестве коммуникативных явлений, встроенных в систему современных политических коммуникаций и оказывающего важное воздействие на управление общественным сознанием и поведением.

Прикладное значение может иметь полученная картина ведения азербайджанской стороной антиармянской информационной войны в Интернете, включая тактики, приемы, текстовые и визуальные элементы, нацеленность на аудиторию, и т.д., что создает возможность построения антипропаганды и создание системы идеологической защиты в Интернете и СМИ на основе угроз и вызовов с азербайджанской стороны, выявленных в результате исследования.

Кроме того, материал диссертации может быть включен в преподавание вузовских курсов по политическим процессам и технологиям, политическим и конфликтным коммуникациям, конфликтологии, теории безопасности, и т.д.

Наработки по национальной и информационной безопасности, созданные на основе специфических для РА и НКР угроз и вызовов информационно-коммуникативного плана, могут иметь практическое значение в построении и реализации стратегии национальной информационной безопасности.

Апробация работы.

Диссертация была обсуждена на заседании кафедры политологии факультета международных отношений Ереванского государственного университета (23.09.2009). Основные положения работы были изложены автором в докладах, представленных им на Пятой ежегодной конференции Консорциума академий обороны и институтов по исследованию безопасности программы НАТО «Партнерство ради мира» (Париж, Франция, 17-19 июня 2002г.), на Центрально-азиатском региональном семинаре по исследованиям безопасности (Алматы, Казахстан, 21 июля-30 августа 2003г.), в региональной конференции по Проблемам методологии этноконфликтологического мониторинга (Краснодар, РФ, 21-27 августа 2003г.), в Международной летней школе «Окончание Холодной войны и современные проблемы безопасности» (Геленджик, РФ, 20-30 июня 2004г.), в Международной летней школе «Взаимодействие НАТО и стран Центральной Азии в контексте региональной безопасности в XXI веке» (Алматы, Казахстан, 1-14 августа 2005г.), в Международном семинаре по теме «Медиа-обучение в постсоветских университетах» (Киев, Украина, 16-30 июля 2006г.), в Международной летней школе по теме «Международные кризисы после Холодной войны» (Геленджик, РФ, 16-23 сентября 2007г.).

Положения диссертации были апробированы также в докладах и выступлениях автора во время обучения в Институте Ричарда Волкера по Международным и Страноведческим исследованиям (Колумбия, Южная Каролина, США) в качестве стипендиата фонда Фулбрайта (7 июня – 23 июля 2007 г.), а также во время обучения автора на курсах по Международному Праву и Дипломатии в Школе Флэтчер, Университет Тафтс (Мэдфорд, Массачусетс, США, 26 июня – 16 декабря 2008г.).

Основные положения работы отражены в научных публикациях автора и его совместных публикациях: двух монографиях по данной проблеме, двух учебных пособиях, более чем двадцати статьях, опубликованных в Армении, РФ, Швеции, США, Казахстане, Белоруссии.

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, пяти глав с подглавами, заключения, списка использованной литературы.

Во Введении обосновывается актуальность и степень разработанности проблемы, определяются цели и задачи исследования. Описываются теоретико-методологические основы исследования, перечисляются основные теории и концепции, задающие теоретические предпосылки исследования. Кроме того, во введении обсуждаются общенаучные и частнонаучные подходы и методы, выбор и применение которых обеспечили адекватность исследования поставленных проблем и полученные результаты. Наконец, во введении представлено обоснование научной новизны исследования и его результатов, а также апробация основных положений работы.

Глава 1 – Проблемы конфликтных коммуникаций в теории политических и массовых коммуникаций – посвящена изложению теоретических положений работы.

1.1 Политические коммуникации в системе общей теории коммуникаций.

Коммуникация как явление, как процесс, как система институтов и технологий, наконец, как система социальных отношений, является одной из наиболее изучаемых социокультурных проблем в системе гуманитарно-социальных наук. Коммуникация как явление, специфичное для человеческого бытия и мышления, исторически складывалась и видоизменялась параллельно развитию человека и общества. *Коммуникация* – это связь, взаимоотношение между явлениями, которые могут принадлежать одной или различным системам, соответственно, коммуникация поддерживает систему или взаимодействие между подсистемами, создавая систему на более высоком, обобщающем уровне.

Коммуникации исследуются целым рядом наук, определяя специфические особенности систем, элементы которых взаимодействуют посредством особого вида коммуникаций. Среди наук и научных дисциплин, изучающих коммуникации, коммуникационные системы, процессы, а на современном этапе развития теории и практики – коммуникативные технологии, можно выделить *политологию* (политические коммуникации в государстве и обществе), *социологию*, изучающую коммуникации как социальное явление, *психологию* (личностные, психологические коммуникативные способности, проблемы, особенности, факторы внутрличностного и межличностного взаимодействия, и т.д.), *антропологию* (коммуникация как система социальных отношений в процессе развития человека в системе социально-культурных отношений), *лингвистику* (знаки и знаковые системы, элементы, участники, каналы коммуникативных процессов, особенности воздействия языка на сознание и поведение, различные системы интерпретации реальности, и т.д.), *семиотику* (как интегративную дисциплину, возникшую на стыке лингвистики, современных философских теорий, а также ряда гуманитарных дисциплин, которые отражают специфику знаковых систем в соответствующих областях, например, в международных отношениях), и т.д.

Следуя логике развития науки на современном этапе, можно выделить такие теории изучения особенностей коммуникаций, как *теория политических и массовых коммуникаций*, *семиотика международных отношений*, *социология коммуникаций* и *СМИ*, *психология массовых коммуникаций*, и т.д.

Однако, совокупное знание по проблемам, видам, каналам, субъектам,

особенностям, средствам и другим вопросам коммуникации требует систематизации, дифференциации, классификации, в результате чего возникла так называемая *общая теория коммуникации*; последнюю в научной литературе отдельных дисциплин определяют по-разному, как правило, делая акцент на той проблематике, которая изучается в данной конкретной дисциплине или научном направлении.

Средства массовых коммуникаций и информации (СМК и СМИ) могут рассматриваться как с технической точки зрения (множество каналов связи, техническая поддержка обеспечения эфира, выпуска газет и радиовещания, доступность, качество связи, и т.д.), так и с точки зрения содержания. Понятие СМК – Средства Массовой Коммуникации, в техническом плане несколько шире СМИ (Средств Массовой Информации), включая в себя тот же мобильный телефон; однако, в содержательном плане СМК уже СМИ, СМК ограничиваются лишь технической стороной СМИ – так называемой *распространением (broadcasting) массовой информации через прессу, радио и телевидение*. СМИ включают в себя информацию как форму воздействия на потребителя, а также как содержание, или сообщение (Message).

В данном исследовании, исходя из заявленного объекта, а именно – изучая *конфликтные коммуникации*, мы изначально исходим из общей теории социальной коммуникации, используя те теоретические направления и подходы в рамках данной теории, которые, во-первых, непосредственно касаются рассмотрения нами политических коммуникаций, специфики осуществления коммуникации в условиях конфликта, и, во-вторых, относятся к массовой сфере социальных коммуникаций, в которой на современном этапе развития обществ разворачиваются и отражаются основные, наиболее важные процессы социально-политических трансформаций, управления, политического участия и информирования; в-третьих, здесь рассмотрены далеко не все теории социальной коммуникации. Здесь рассмотрены в основном современные теоретические концепции, относящиеся к политическим, публичным, массовым коммуникациям, т.к. массовые коммуникации отражают и вместе с тем наиболее активно формируют состояние сознания и поведения современного общества, в частности, в конфликтных взаимоотношениях.

1.2 Современные критические теории массовых коммуникаций: тенденции и стратегии освещения политических явлений и процессов в СМИ.

В данном разделе анализируется ряд современных теорий, представляющих собой известные и признанные в западной науке теоретико-методологические наработки современных авторов и научных школ в области политических и массовых коммуникаций, включая социально-политические теории Масс Медиа. Следует отметить, что в кругу современных специалистов в области Масс Медиа и политических коммуникаций отмечается та негативная роль, которую оказывают Масс Медиа на социально-политическое поведение граждан в эпоху информационного общества. Так, информированность избирателей и их поведение возникают не в результате их прямого общения с политическими лидерами, а через новостные передачи, а также в результате работы различных политтехнологов. Получается, что в эпоху Медиа-технологий люди избирают своих лидеров лишь под воздействием этих технологий. А это значит, что политические коммуникации сегодня являются виртуальными, а последствия их деятельности – реальными. Люди зачастую узнают о конфликтах и об их важности из СМИ, когда как именно СМИ

делает событие конфликтным или, наоборот, преподносит конфликт как нормальное, повседневное явление, не столь важное в жизни людей. Не сталкиваясь с данным явлением напрямую, восприятие гражданами того или иного явления в конфликтном ключе определяется деятельностью Медиа-технологий. Эти, а также другие явления изучены рядом западных специалистов и обобщены в виде целого списка явлений, формирующих критические подходы к изучению социально-политических технологий Масс Медиа.

Одной из современных критических теорий политических и массовых коммуникаций, созданной для описания и объяснения взаимосвязи между конфликтностью в обществе и деятельностью СМИ, является *Теория социального научения*² (*Social Learning Theory*), возникшая в 1960-е годы, одним из авторов которой является американский ученый Альберт Бандура. Основным объектом исследования в данной теории является процесс социализации, подразумевающий усваивание человеком определенных моделей поведения, а затем их использование в жизни. То, насколько поведение человека конфликтно и агрессивно, по мнению представителей данной теории, зависит от того, насколько агрессивны и конфликтны те модели поведения, которые усваиваются индивидом, а в условиях информационного общества эти модели в основном формируются в СМИ, особенно по ТВ. Кроме того, проверка в данной теории подвергается сам факт подражания телегероям, которые совершают насилие на экране телевизоров и тем самым вызывают аналогичное поведение телезрителей.

В дальнейшем проблема агрессивного и конфликтного поведения как следствия деятельности Масс Медиа была развита и исследована более системно, а результаты последующих исследований были спроецированы на систему внутри- и внешнеполитических действий и решений.

Очень влиятельной среди современных критических социологических теорий Масс Медиа является так называемая *Теория культивации (Cultivation Theory)* американского специалиста в области анализа массовых коммуникаций Джорджа Гербнера (George Gerbner). Основной тезис теории культивации в том, что роль СМИ и, в особенности, телевидения, заключается в распространении моделей поведения, причем, именно от содержания основного массива телепередач зависит, какое поведение наиболее вероятно в результате их постоянного просмотра. Гербнер считает, что “телевидение – это рассказ, история, текст”, который содержит определенную повествовательную информацию, воздействующую на знания и поведение телезрителей. По мнению Гербнера, мы ежедневно видим *насилие*. Насилие является основным предметом анализа телепередач по Гербнеру и, соответственно, формирует модели социального поведения по схеме нагнетания конфликтности.

Кроме того, что телевидение культивирует насилие, оно еще и отягчает индивидуальный опыт. Так, многие пережили насилие в реальности, став жертвой различного рода посягательств и преступлений. В отличие от тех, кто приобретает подобный опыт, смотря телевизор, эти люди имеют подобный опыт, который трудно забыть. И когда, по Гербнеру, эти люди видят подобное насилие на ТВ, они

² См., например: Bandura, A. Social learning theory. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1977, 247 p.

каждый раз вновь и вновь «проигрывают» в своей памяти случившиеся с ними сцены насилия, получая двойную дозу отрицательных эмоций и переживаний³.

Стюарт Холл (Stuart Hall) – британский профессор социологии Открытого университета (Милтон Кейнс, Англия) предложил свою *Критическую теорию (Critical Theory)*, которая, по-существу, основана на следующих предпосылках:

1. Реклама и новостные передачи, а также телефильмы по сути отражают интересы доминирующих групп общества;
2. Масс Медиа осуществляет закрепление эксплуатации одних групп интересом другими посредством символических форм, которые необходимо изучать;
3. Масс Медиа подчинены господствующей идеологии правящих групп.

Холл считает, что Медиа служит утверждению и осуществлению идеологии правящих в данный момент групп, которым выгодно сохранение статуса-кво, соответственно, в СМИ прямым и косвенным образом утверждается идея правильности и выгоды данного порядка для всех, хотя по сути этот порядок инициирован меньшинством. Так, в США и по всему миру СМИ служат утверждению основного мифа о демократическом плюрализме, включая различные права и свободы.

Несмотря на то, что Холл не принимает экономического детерминизма Маркса, тем не менее признает, что его критическая теория основывается на понимании Марксом функций Медиа в качестве инструмента в руках правящих элит по поддержанию собственного порядка. Деятельность СМИ Холл называет «культурной гегемонией», которая действует не только внутри капиталистических обществ и проявляется в виде культурного управления имущими неимущих с помощью СМИ, но и, более того, «культурная гегемония» – это распространение западных ценностей на страны «Третьего мира»⁴.

Американские ученые Максвелл Маккомбс (Maxwell McCombs) и Дональд Шоу (Donald Shaw) представили очень значимую критическую теорию Масс Медиа и политических коммуникаций, названную ими *Теорией постановки повестки дня (Agenda-Setting Theory)*⁵. Эта теория часто берется за основу в анализе различными западными авторами современных значимых политических событий и их отражения в СМИ. Предпосылками возникновения данной теории является огромное количество примеров восприятия телезрителями и потребителями других видов СМИ тех или иных событий в соответствии с тем, как они преподносятся в СМИ. Иными словами, мы знаем о мире именно то, что нам предлагается в СМИ. С одной стороны, возможно, что именно СМИ определяют повестку дня, т.е. те проблемы, о которых людям стоит задуматься. Причем, очень важно отметить, что по теории постановки повестки дня, СМИ определяют не столько содержание того, о чем будут думать граждане, сколько то, о каких проблемах они будут думать.

³ См., например: Gerbner, G., Gross, L., Jackson-Beeck, Jeffries-Fox, S., Signorielli, N. "Cultural Indicators: Violence Profile No. 9". In: *Journal of Communication*, 1978, Vol. 28, No. 3, pp. 176-207.

⁴ См., например: Hall, S. "Ideology and Communication Theory". In: B. Dervin, L. Grossberg, B. O'Keefe, E. Wartella (eds.). *Rethinking Communication Theory*, Sage, Newbury Park, California, 1989, Vol. 1, pp. 40-52.

⁵ См., например: McCombs, M., Shaw, D. *The Emergence of American Political Issues: The Agenda-Setting Function of the Press*. West, St. Paul, Minneapolis, 1977.

Авторы делают вывод, что, вероятно, пресса имеет более осязаемое воздействие на определение повестки дня, нежели радио и ТВ. Причина заключается в том, что проблематика обсуждается в прессе более глубоко и основательно, пресса обосновывает то, почему тот или иной вопрос является важной проблемой, пресса анализирует проблемы. Между тем, на ТВ, в частности, в теленовостях, события в основном лишь перечисляются, предлагается множество событий, не вдаваясь в подробности их содержания⁶.

Маккомбс и Шоу в своей теории постановки повестки дня отражают реальные механизмы определения массового восприятия и поведения средствами массовой информации. Однако, не следует забывать, что функция постановки основных вопросов может быть злоупотреблена, т.е. постановка повестки дня в СМИ становится дисфункцией, в частности, в условиях неопределенности, массового общественного участия в различных социально-политических процессах. Получается, что если в СМИ появляется ряд «важнейших», «не столь важных» и «второстепенных» проблем, то акценты на них устанавливаются именно в СМИ, когда как, возможно, люди предпочитают иной расклад событий с точки зрения важности.

Если же учесть тот факт, что СМИ, как правило, в качестве «важнейших» вопросов преподносят различного рода конфликты и чрезвычайные ситуации, то, в случае отсутствия таковых, следует ожидать, что СМИ раздуют то или иное событие до уровня конфликта, затрагивающего всех. Если же общество, уверенное в том, что в мире не все хорошо и спокойно, в очередной раз не получит порции информации, подтверждающей это, то в следующий раз уже не будет считать источник информации достоверным. Соответственно, для поддержания своего статуса по определению повестки дня, СМИ склонны постоянно поддерживать определенный уровень конфликтности в обществе, что нередко становится отрицательным фактором в моделировании социального поведения.

Структурные особенности общественного мнения являются очень важной проблемой, которую необходимо исследовать в различных аспектах. Одному из этих аспектов посвящена критическая теория, автором которой является профессор коммуникаций Университета Майнц в Германии Элизабет Ноэль-Нойманн (Elisabeth Noelle-Neumann); теория называется *Спираль молчания (Spiral of Silence)*⁷.

Одним из основных вопросов, которым задается в своей теории Ноэль-Нойманн, является то, почему и в каких условиях многие люди предпочитают не высказывать собственного мнения по поводу тех или иных политических событий. Это происходит в тех случаях, когда собственные желания избирателя не совпадают с его прогнозом относительно результатов выборов, когда избиратель заранее знает, что его кандидат едва ли будет избранным. Т.е. если мнение относительно этого кандидата остается в меньшинстве, является непопулярным, то избиратель предпочтет его не высказать, отмолчаться.

Ноэль-Нойманн вводит термин «изоляция», который основывается на данных социальных психологов о том, что боязнь изоляции побуждает человека в группе проявлять конформизм по поводу группового мышления и поведения, и если не

⁶ Griffin, E. *A First Look at Communication Theory*. N.Y.: McGraw-Hill, Inc., 1996, p. 337.

⁷ См., например: Noelle-Neumann, E. *The Spiral of Silence*. Chicago: University of Chicago, 1984, 200p.

соглашаться с мнением большинства напрямую, то хотя бы открыто не выражать противоречащего им мнения, отмалчиваться. Причем, те, кто придерживается мнения большинства, наоборот, стремятся активно высказываться, проявлять поддержку большинству, т.е. именно их мнение подавляет мнение меньшинства: чем активнее высказывается большинство, тем более склонно меньшинство отмалчиваться. Это – феномен спирали молчания, которая выражает то, как люди, чье мнение составляет, по их мнению, меньшинство, тем больше склонны молчать, чем больше стремятся высказываться члены большинства.

Кроме того, по мнению Ноэль-Нойманн, люди, пытающиеся избежать изоляции, склонны идентифицировать себя с лидером. Согласно основному постулату теории спирали молчания, "Индивидуумы, заметив, что их личное мнение становится преобладающим, будут уверенно озвучивать его на публике. С другой стороны, индивидуумы, заметив, что их мнение теряет поддержку, будут склонны проявлять более осторожное поведение"⁸. В результате молчание меньшинства будет или не замечено вовсе, или воспринято как согласие. Постулаты теории "Спираль молчания" непосредственно применимы в анализе современного дискурса в армянском обществе по поводу армяно-турецких отношений. Озвучивание официальной позиции властей Армении в СМИ нацелено именно на создание "поддержки большинства", и даже если представители альтернативных взглядов не являются меньшинством, их восприятие может быть нацелено на то, что их позиция непопулярна, т.к. не соответствует официальной, и тогда многие из этих людей предпочтут молчание, дабы не быть изолированными в коллективе и обществе.

1.3 Символические формы функционирования конфликтных коммуникаций.

В данном разделе конфликтные коммуникации анализируются как специфическая система знаков-символов, исторически возникшая и применяемая именно в системе конфликтных отношений. Символика войны и патриотизма имеет особый смысл в условиях конфликта и служит критерием глубины и направленности конфликтных интеракций.

Символ является единицей коммуникации. В качестве символов могут выступать знаки – вербальные, невербальные и паравербальные; в первом случае это – знаки-слова, во-втором – знаки-жесты и мимика, в-третьем – оформление речи, ее интонация, всякого рода ударения, и т.д. Все это, выражая определенные общепринятые и общепонятные смыслы, служит символом коммуникации.

Важно подчеркнуть, что помимо языковых знаков и выражений, символами могут являться действия; именно действиями участники коммуникации нередко пытаются объяснить, разъяснить, дать понять друг другу нечто важное, по той или иной причине невыразимое языковыми конструкциями. Стороны коммуникации подчас пытаются своей активностью или, наоборот, пассивностью по отношению к оппоненту подтолкнуть, побудить его к ответным действиям. Замена языковых символов поведенческими может быть как произвольной, так и умышленной, ситуативной. Так, незнание иностранного языка в общении с иностранцем заставляет прибегать к жестикуляции, выражающей универсальные, общепонятные и принятые категории. Причем, жестикуляция становится произвольным выраже-

⁸ Griffin, E. A First Look at Communication Theory. N.Y.: McGraw-Hill, Inc., 1996, p. 345.

нием желаний, мыслей и чувств при отсутствии иной, понятной всем участникам коммуникации языковой символики. Жестикуляция неосознанно приходит на помощь неуверенному в адекватности и понятности своего языка коммуникатору, она как-бы компенсирует пробелы в языковом выражении смыслов.

Иное дело, когда поведенческая символика сознательно и умышленно заменяет языковую в случаях, когда последняя неприменима по объективным причинам. Так, враждебность по отношению к стране-соседу не всегда бывает возможно выразить на словах, в официальном заявлении, ультиматуме, угрозе, политической ноте. Почти всегда подобный шаг может вызвать ответные, более жесткие меры, в конечном итоге привести к эскалации конфликта. Такое не всегда желательно. Нередко сторона конфликта, желающая показать свое превосходство и недружелюбие по отношению к политическому оппоненту, не собирается "заходить далеко", бывает готова ограничиться неким, адекватно понятым символическим актом недружелюбия, угрозы, предупреждения. В подобных случаях применяется именно символическое действие. Подобным символическим действием может служить проведение военных учений на границе с недружелюбной страной, что означает: "У нас мощная и боеготовая армия", "С нами шутки плохи", "Мы в любой момент готовы отразить нападение противника", и т.д.

Поведенческие символы в конфликтной коммуникации зачастую применяются при скрытом, неявном конфликте, когда стороны осознают взаимность вражды и ненависти, однако по тем или иным причинам не хотят вступать в открытое противоборство. Это особенно характерно для тех конфликтов, стороны которых сильны настолько, чтобы избежать взаимной демонстрации этой силы, т.к. подобное поведение может принести им непоправимый урон. Данная ситуация описывается как поиск "козла отпущения"⁹ – некоего "третьего", более слабого участника, на котором можно и вполне удобно "отыграться". Прямая демонстрация вражды по отношению к сильному участнику нежелательна и трудна, когда как личевание слабого в присутствии сильного может послужить определенным уроком также для сильного.

Подобная стратегия демонстрирует различие между прямым и символическим конфликтным поведением. Непосредственные враждебные действия одной из сторон конфликта по отношению к другой, являясь **прямым конфликтным поведением**, повлекли бы за собой ответные, возможно, более жесткие действия противника. В отличие от них, **символическое конфликтное поведение** наподобие поиска и демонстративного наказания "козла отпущения" не обязательно влечет за собой ответные, адекватные действия, более того, враждебность здесь проявляется не в отношении непосредственного участника конфликта, а в отношении внешнего игрока. Наконец, символическое конфликтное поведение означает нечто иное, чем является.

Первые коалиционные бомбардировки Ирака (1991г.) были адресованы не столько Ираку и Саддаму Хусейну (вспомним, персону Хусейна как диктатора и

⁹ См., например: Коузер Л. Основы конфликтологии. СПб.: "Светлячок", 1999, 192 стр. По Коузеру, в роли "козла отпущения" может оказаться один из слабых членов группы, который невольно становится средством демонстрации взаимной вражды между сильными членами группы (с. 42).

террориста тогда почти не официровалась), сколько – "незападному" миру. Ирак оказался тогда "козлом отпущения" в непрямом конфликте между США и всеми остальными потенциальными претендентами на роль супердержавы. В 1991 году американцы как никогда раньше испытали свое превосходство над прежней второй супердержавой – развалившимся СССР – своим давним конкурентом. Бомбардировка Ирака, адресованная народам бывшего СССР (в частности, России), а также всему остальному миру, символизировала начало создания однополярного мира во главе с США. Этим первая американская война в Ираке отличалась от второй (2003г.); если первая война была символическим конфликтным поведением, направленным на создание определенных смыслов, то вторая – прямым конфликтным поведением, имевшим под собой непосредственные, конкретные цели, связанные с Ираком, его оккупацией и извлечением непосредственных и опосредованных выгод. Иначе говоря, в первом случае Ирак был средством, во втором – целью.

Зачастую политические символы порождаются историческим контекстом, соответственно, "манипулируют" знаниями, исторической памятью, представлениями, переживаниями людей. Ассоциируясь с конкретными историческими событиями и их интерпретацией, политические символы могут восприниматься односторонне, подчеркнуто эмоционально, восторженно или же, наоборот, агрессивно. Причем, нередко противоположные ассоциативные восприятия порождаются одними и теми же символами.

Следует различать *миролюбивые (мирные) и враждебные (воинственные) символы*. Будучи единицами коммуникации, данные типы символов выражают взаимные намерения участников коммуникации – миролюбивые или враждебные. Соответствующие таким намерениям символы достаточно красноречивы и эмоционально подчеркнуты. Агрессивность и воинственность исторически выражаются в виде демонстрации силы, путем использования различных знаков и образов войны, враждебности, даже дикости (многочисленные образы именно диких зверей и птиц на гербах, щитах, флагах). Нередко используются комбинации образов человека и дикого животного (человек-волк, человек с головой леопарда, и др.). Символы агрессивности и враждебности в конфликтных коммуникациях демонстрируются потенциальному сопернику и врагу с целью предупреждения, запугивания, устрашения, а во время непосредственного столкновения – с целью создания паники в рядах противника, психологического давления, угнетения.

Характерным компонентом любого вооруженного противостояния является уничтожение символики врага, причем это уничтожение производится публично, на показ. Можно сказать, что подобная **"война символов"**, или **"символическая война"** действует не менее эффективно, чем применение оружия. Угнетение врага путем уничтожения символов его мужества, чести, силы, достоинства практикуется в любых типах войн, как "традиционных" (с применением вооруженных сил), так и современных, информационно-технологических и идеологических. Причем, практикуется не только уничтожение подобных символов врага, но и надругательство над ними, дабы морально сломить соперника, заставить его подчиниться.

Особой темой исследований могут стать символические методы мобилизации участников так называемых "бархатных революций", которые в каждой из целевых стран преподносились в определенной цветовой форме. Сама идея "бархатных революций" предполагает их неагрессивность, бескровность, соответственно, изна-

чально отпали традиционные цвета революций - красный, алый, а также многие другие цвета, часто составляющие цветовую гамму государственных флагов. Наиболее характерен выбор оранжевого цвета – символа не только "Оранжевой революции" в Украине, но затем - всего альтернативного. С точки зрения политических технологий оранжевый цвет мобилизует, символизируя приподнятое настроение, оптимизм, веру в светлое будущее. "Бархатные революции", чем бы они на самом деле не являлись, можно назвать "Символическими революциями" – ярким примером профессионального применения символов в конфликтной коммуникации.

1.4 Проблемы восприятия в системе конфликтных коммуникаций

В данном разделе анализируются основные социально-психологические и политико-психологические концепции конфликтного восприятия, которые описывают и во многом объясняют специфику конфликтных коммуникаций между участниками конфликта. В частности, здесь рассматриваются известные конфликтологические теории создания "образа врага", анализируется самовосприятие и взаимовосприятие участников политических конфликтов с точки зрения дихотомии "свой - чужой", анализируется феномен "зеркальных образов" и стереотипов (в частности – этнических) в конфликтном восприятии.

Среди исследований проблем и особенностей восприятия в конфликте по принципу дихотомии "восприятие – ошибочное осприятие" (Perception – Misperception) выделяется ряд исследований, связывающих эти проблемы с феноменом **группового мышления ("Groupthink")**¹⁰. Исследователи данного направления связывают с групповым мышлением многие патологические, неэффективные политические действия и решения, известные истории. В этих исследованиях ущербность и патологичность массового поведения сводится к ряду психологических особенностей человека, к его самоконтролю, эмоциональности, социализации, потребности в самоидентификации и самореализации и т.д., которые приобретают в группе особые черты, проявляются в наиболее характерном виде. Вместе с тем, групповое поведение существенно отличается от массового, где многие механизмы контроля индивидуального поведения перестают действовать, а участников полностью захлестывают стихийные массовые настроения¹¹.

Кроме того, в данном разделе анализируются такие феномены конфликтного восприятия, как стереотипы (этнические, политические, идеологические), "образы врага", восприятие участниками конфликтов других через "зеркальные образы", и т.д. Анализируются конфликтные восприятия и стереотипы времен советской и современной постсоветской истории, такие, как стереотипы "лица кавказской национальности", "чеченца", и т.д. Анализ теорий конфликтного восприятия демонстрируется на конкретных примерах современных конфликтов в Карабахе, Чечне, Ираке и Афганистане. Анализ проблем конфликтного восприятия очень важен для понимания внутренних механизмов функционирования конфликтных коммуникаций.

¹⁰ Классической работой этого направления является исследование Ирвинга Джейниса (см.: Janis, I. L. Victims of Groupthink: A Psychological Study of Foreign-Policy Decisions and Fiascoes. Boston: Houghton Mifflin, 1972, 349 p.).

¹¹ Об этом см., например: Назаретян А. П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи. СПб.: Питер, 2003, 190 стр.

Глава 2 – Коммуникации и интеракции в конфликте: динамика развития и взаимосвязи – посвящена представленной и обосновываемой в работе концепции динамической взаимосвязи между коммуникациями и интеракциями в конфликте. Функционирование коммуникаций и интеракций взаимопределяют друг друга, а также динамику развития конфликта.

2.1 Конструктивные коммуникации и деструктивные интеракции в конфликте.

В первом разделе второй главы показаны и обоснованы взаимосвязь и взаимопереход коммуникативной и интерактивной составляющих конфликта. Исследование различных конфликтов показывает, что чем острее конфликт, тем ниже уровень нормального, привычного, продуктивного взаимодействия и общения между его участниками. Основная идея заключается в том, что *стабильность и продуктивность коммуникаций между участниками обратно пропорциональна уровню конфликтных действий (интеракций)*. Высокий уровень продуктивного общения способствует снижению уровня конфликтности, сведению его к минимуму. И, наоборот, повышение уровня конфликтности непосредственно влияет на снижение уровня коммуникаций между участниками, причем параллельно развитию и углублению конфликта снижаются и прекращают действовать многие коммуникативные возможности. Сторонами конфликта блокируются транспортные коммуникации (железнодорожная блокада Азербайджаном Армении, воздушная и магистральная блокада Турцией Армении с начала карабахского конфликта, взрывы мостов на границе Аджарии с остальной территорией Грузии (2004), и др.). Перестают действовать телекоммуникационные, массовые, культурные, идеологические связи и обмены, выводятся из строя источники информационного воздействия другой стороны. Вместо привычных коммуникаций создаются конфликтные методы и способы воздействия на оппонента. Цивилизованный диалог зачастую прекращается во время пика конфликтных отношений, в кризисной ситуации, которая непосредственно перерастает в ведение боевых действий. **Война – ситуация перехода от коммуникации к интеракции, от общения и взаимодействия – к враждебным действиям по взаимному уничтожению.**

По мере снижения степени напряженности возрастает степень активизации гражданского диалога между сторонами конфликта. Чем активнее подобные коммуникации, тем ниже степень конфликтности. В конечном итоге задействование дипломатических методов разрешения конфликта нацелено на замещение конфликтных взаимоотношений коммуникативными. Данную динамику соотношения конфликтных взаимодействий и коммуникации между участниками мы предлагаем выразить следующей схемой:

Данная схема демонстрирует динамику соотношения развития конфликта и состояния коммуникаций между участниками конфликтных взаимоотношений в тех случаях, когда максимальный уровень обострения конфликта перерастает в войну, сопровождаясь прекращением всех доконфликтных коммуникаций. Естественно, данная схема не учитывает тот минимальный и несущественный для изменения динамики конфликта уровень позитивных коммуникаций, который все же существует в любом конфликте. Так, даже в ситуации войны некоторые представители враждующих сторон все же пытаются общаться, причем в основном на бытовом уровне или на уровне мелкой торговли и “теневого” бизнеса. Это – единичные случаи проявления взаимного интереса, которые почти не влияют на динамику развития конфликта. Единичными случаями проявления коммуникативного потенциала в условиях конфликта и военных действий является также достижение обоюдного согласия по поводу временного прекращения огня в сезон разгара

сельскохозяйственных работ (сева или сбора урожая), после чего военные действия обычно возобновляются. Исключением из правил можно считать также переговоры по обмену военнопленными, которые могут вестись параллельно военным действиям. Все эти единичные случаи не влияют на развитие конфликта, данные примеры общения обычно не приводят к изменению конфликтного настроения участников, конфликт продолжает развиваться согласно собственной логике.

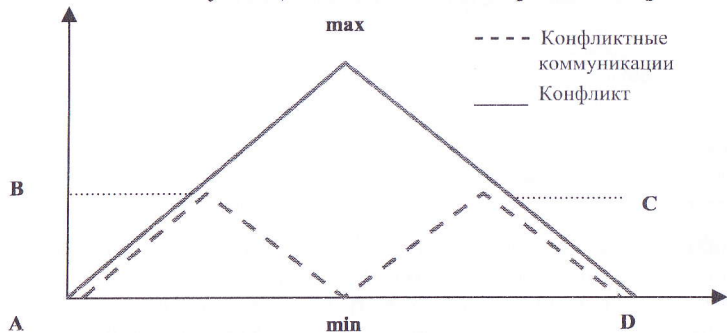
Активизация коммуникаций между участниками конфликта, будь то формальные и неформальные встречи лидеров, представителей различных неправительственных организаций, социальных групп, организация медиа-диалогов и обсуждений, круглых столов, участие в совместных проектах, восстановление транспортных коммуникаций – все это непосредственно или опосредованно влияет на снижение конфликтного потенциала, трансформирует его в продуктивное русло сотрудничества и поиска совместных решений.

2.2 Динамические модели коммуникаций и интеракций в конфликте.

Во втором разделе второй главы представлены различные комбинации взаимосвязи между коммуникациями и интеракциями в конфликте. Здесь обосновываются разработанные автором модели взаимосвязи между функционированием коммуникаций и интеракций в конфликте, которые отражают варианты такой взаимосвязи и взаимной обусловленности. Данные модели разработаны на основе анализа различных конфликтов.

Первая модель под названием *“Коммуникации латентного и открытого конфликта”* описывает прямую зависимость развития и изменения коммуникаций от перехода конфликта из латентной (скрытой) фазы к открытому противостоянию.

Модель 1. Коммуникации латентного и открытого конфликта

В данной модели конфликт проходит 3 фазы развития (согласно схеме, разработанной американским конфликтологом Ж. П. Ледераком):

1. “Обучение сторон проблеме, противоречию, наличию несовместимых интересов и необходимости конфронтации”; на этой стадии (A-B) коммуникации между сторонами становятся интенсивнее и фокусируются на общей проблеме, между тем как привычные коммуникации слабеют. В процессе подобного конфликтного обучения стороны постепенно отказываются от прежних позитивных

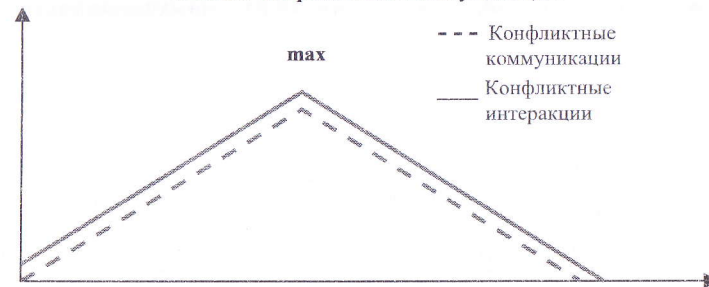
коммуникаций и наращивают негативные коммуникации по отношению друг к другу.

2. На второй стадии конфликта (B-C), соответствующей схеме Ледерака, происходит конфронтация – центральная и наиболее острая часть конфликта. Согласно предложенной в работе модели, на этой стадии конфликта коммуникационные процессы между участниками уступают место конфликтным интеракциям, так что конфликт трансформируется в преимущественно силовое поле.

3. Согласно данной модели функционирования конфликтных коммуникаций, на третьей стадии развития конфликта (C-D) конфликт возвращается в русло переговоров, свидетельствуя о попытках сторон отойти от интеракций, что непосредственно ведет к коммуникациям. Невозможность и неспособность вести военные действия с прежней интенсивностью и эффективностью, истощение ресурсов, а также ряд других факторов приводит к спаду кризисности ситуации и к отходу сторон в область обсуждений проблемы. Этой модели функционирования и взаимосвязи коммуникационной и интерактивной составляющих конфликта соответствует, в частности, динамика развития карабахского конфликта, приднестровского конфликта.

Вторая модель конфликтных коммуникаций под названием *“Кризисные коммуникации”* демонстрирует динамику развития конфликта, сопровождающегося активными коммуникациями между участниками, причем, в противовес предыдущей модели, здесь речь идет о параллельном развитии коммуникаций и конфликтных интеракций: коммуникации сопровождают и определяют интеракции, включая кризис как высшую точку эскалации конфликта:

Модель 2. Кризисные коммуникации

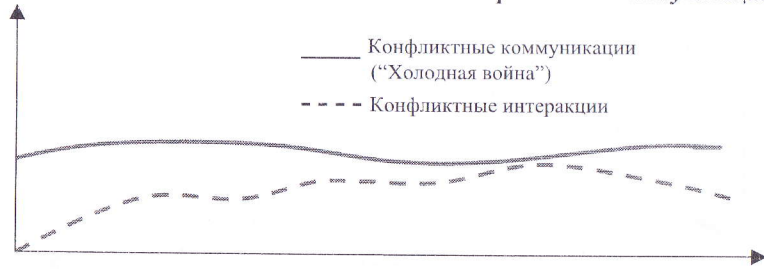

В конфликтах подобного типа стороны, несмотря на внутреннюю логику развития конфликта, пытаются преодолеть конфликт даже находясь в ситуации кризиса, стараются оставаться в рамках коммуникаций, не выходя из коммуникационного поля решения проблемы, дополняя коммуникации определенными действиями в адрес противника, согласуя эти действия с переговорным процессом. Интеракции здесь служат успешности коммуникаций, а не наоборот. Стороны лишь демонстрируют силу, чтобы договориться и избежать ее реального применения. Классическим примером конфликта, демонстрирующего подобную динамику развития конфликтных коммуникаций, является Карибский (Кубинский) кризис 1962 г.

Третьей моделью, описывающей особенности функционирования конфликтных коммуникаций, является модель *“Холодной войны”*. В данной работе термин *“холодной войны”* рассматривается не только как исторический феномен биполярного противостояния безопасностных систем НАТО и ОВД, но, что более важно с точки зрения политических технологий, как функциональная модель информационной войны, актуальная и эффективная в определенных условиях, в частности, в условиях целого ряда современных международных конфликтов. Обоснование функционального содержания *“холодной войны”* в качестве типа информационной войны является одной из исследовательских задач данной работы.

В отличие от так называемой *“горячей войны”*, полностью трансформирующей взаимоотношения сторон из плоскости конструктивных коммуникаций в сферу деструктивных интеракций, *“холодная война”* не только не исключает общения сторон в условиях конфликта и кризиса, но и придает этому общению характерную специфику. В условиях *“холодной войны”* общение сторон является основным способом негативного воздействия друг на друга: стороны конфликта не хотят или не могут поддерживать конструктивный, цивилизный диалог и взаимодействие, *“общение”* между ними приобретает нервный, напряженный, агрессивный характер, в условиях которого участники периодически обвиняют друг друга, демонстрируют словесную агрессию и ненависть, максимально активно используют СМИ для пропаганды негативного образа врага, антиагитации, и т.д. Уровень конфликтных коммуникаций в условиях холодной войны несколько выше конфликтных действий, и вместе с тем конфликтные действия (интеракции) периодически обостряются и стремятся к уровню конфликтных коммуникаций (как, скажем, в условиях Карибского кризиса в советско-американской Холодной войне):

Модель 3. *“Холодная война”* как система конфликтных коммуникаций

Можно сказать, что наиболее существенным показателем высокой вероятности протекания межгосударственного конфликта в виде обоюдного ведения холодной войны является наличие у сторон ядерного оружия большой поражающей силы. Причинами ведения *“холодной войны”* вместо боевых действий может быть также неспособность сторон продолжать конфликтные интеракции (например, после заключения перемирия, будучи измотанными войной и насилием, в условиях, когда взаимная ненависть и искомое противоречие интересов не преодолены, а лишь обострились в результате больших обоюдных физических потерь).

В подобных случаях вся тяжесть конфликтности и враждебности ложится на

коммуникативные возможности. Причем, к ведению *“холодной войны”* подключаются не только СМИ, но и другие виды и формы коммуникаций, скажем, транспортные коммуникации с врагом перекрываются, объявляется эмбарго, всякого рода экономические санкции и запреты, и т.п. Элементы холодной войны наблюдаются в целом ряде современных конфликтов и, в частности, в условиях *“замороженных конфликтов”*. Так, в послевоенной фазе карабахского конфликта (1994 – по настоящее время) протекает активная информационная война, уровень которой на сегодняшний момент намного выше элементов вооруженного столкновения (перестрелки на границе), что соответствует данной модели взаимосвязи конфликтных коммуникаций и интеракций.

Глава 3 - Информационно-коммуникативные стратегии конфликтных взаимоотношений - посвящена актуальным проблемам информационной безопасности в системе конфликтных коммуникаций, их анализу и теоретико-практическим выводам. В теоретическом плане в данной главе осуществлен структурно-функциональный анализ информационной безопасности в общей системе национальной безопасности, исследованы функциональные связи информационной безопасности с другими сферами безопасности, такими, как социальная, политическая и военная безопасность. Специальный раздел данной главы посвящен анализу и разработке рекомендаций обеспечения информационной безопасности РА и НКР, в частности, применительно к условиям карабахского конфликта и региональным процессам на Южном Кавказе.

3.1 Проблемы информационной безопасности в системе информационно-коммуникативных стратегий конфликтных взаимоотношений.

В данном разделе третьей главы исследуются структурно-функциональные проблемы информационной безопасности в системе безопасности государства и общества. Прежде всего, здесь приводится ряд современных определений безопасности, обсуждается их целесообразность и обоснованность¹².

На основе применения принципов структурного функционализма в международных отношениях автором предлагается собственное определение безопасности как качества функционирования системы: *безопасность – это состояние системы, связанное с её целостностью, со структурными и функциональными особенностями. В состоянии безопасности система функционирует стабильно. Нарушение стабильности функционирования системы является нарушением её безопасности.* А факторы, повлиявшие на изменение состояния безопасности системы, могут быть квалифицированы как угрозы, вызовы, риски и т.д.

Соответственно, *угрозы* определяются в исследовании как *все те явления,*

¹² Среди современных разработок проблематики национальной и международной безопасности можно выделить следующие работы: Քոթանջյան, Հ. Ս. Հայաստանի ազգային անվտանգության ռազմավարության մշակման ուղեցույցները տարածաշրջանային անվտանգության ճարտարապետության համատեքստում: Ե., ՀՀ ՊՆ Դ. Կանաչանի անվան ազգային ռազմավարական հետազոտությունների ինստիտուտ, 2008, 604 էջ; Հայկական բանակ, N 2 (48), 2006 և N 2-3 (52-53), 2007; Snow, D. M. National Security: Defense Policy in a Changed International Order. New York, St. Martin's Press, 344 p.; Buzan, B., Wæver, O., de Wilde, J. Security: A New Framework for Analysis. London: Lynne Rienner Publishers, Inc., 1998, 237 p.

հայ հեղինակների անհատական համալիրային հետազոտությունների ինստիտուտի և Կոնստանտինովսկի - Օտո Լուդվիգի

которые не поддаются системному контролю, вызывая структурные и функциональные отклонения системы. Иначе говоря, если за основу порядка принимается структурно-функционалистический подход к вещам, т.е. стабильность провозглашается основным критерием жизнедеятельности (функционирования) любой системы (социальной, политической, экономической, экологической, и т.д.), то любое отклонение, вызывающее нарушение стабильности функционирования системы, рассматривается как угроза, с которой система должна бороться или которой должна управлять с помощью соответствующих механизмов.

Соответственно, *внутренние угрозы безопасности* могут быть определены как внутрисистемные дисфункции, нарушающие стабильное функционирование системы, а *внешние угрозы* – факторы внешней среды, воздействующие на стабильное функционирование и развитие системы.

Действительно, без определения стабильности, т.е. слаженного поступательного развития системы, находящегося под контролем самой системы, было бы невозможно определить, что есть угроза, т.к. при условии постоянной принципиальной изменчивости явлений любое воздействие, порождающее подобные изменения, могло бы быть определено как угроза, или же, наоборот, опасные явления в условиях хронической нестабильности процветали бы наравне с позитивными. Таким образом, состояние стабильности и безопасности системы – понятие относительное, если его рассматривать в противовес состоянию изменчивости. Так, развал СССР был вызван рядом внутренних и внешних факторов (угроз), которые привели к критическому нарушению безопасности всей системы и ее отдельных структурных компонентов (республик, автономий, этнических групп и т.д.). Такое нарушение состояния безопасности пространства СССР стало прямым следствием нарушения структуры и функций СССР как политической, экономической, социальной, культурной, идеологической системы. Однако, если рассматривать развал СССР с точки зрения необходимости эволюции социальных систем, т.е. как результат развития советского общества, которое не могло довольствоваться неизменностью ("стабильностью") функционирования своих подсистем, то факторы, повлекшие развал СССР, вовсе не угрозы, а **вызовы** (т.е. информационные единицы, сообщающие о грядущих изменениях).

Таким образом, определение того или иного внутрисистемного и внесистемного явления в качестве угрозы зависит от качеств системы, от **состояния безопасности системы**.

Информационное воздействие с целью поражения ценностно-идеологического состояния системы общества прежде всего воздействует на информационную безопасность, т.е. на функционирование информационных структур.

Информационная безопасность – современная область исследования и обеспечения безопасности информационных систем, структур и функций. Информационная безопасность – это и состояния безопасности информационной системы, и состояния защищенности от угроз информационным качествам (структуре и функциям) системы. Так, проблема информационной безопасности возникает не только тогда, когда существует угроза информационной системе (например, базе закрытых данных), но и тогда, когда уязвлены информационные функции неинформационных систем и структур (например, государства).

Стабильность информационных систем также является тем критерием, по

которому то или иное явление может быть определено как угроза. Причем, информационные системы не определяются однозначно, в отличие, например, от политических или экономических систем, которые могут быть определены в рамках конкретных субъектов политической и экономической жизни общества. Так, если политические системы классифицируются по таким признакам, как их участие в формировании и осуществлении власти, внутри- и внешнеполитическая направленность их деятельности, особенности их формирования и легитимности с учетом политических режимов и т.д., то подобным образом классифицировать информационные системы не представляется возможным, т.к. субъектами-носителями информации являются любые виды систем в живой природе, имеющие значение друг для друга.

Набор взаимосвязанных информационных единиц, имеющих определенное значение и представляющих собой определенную ценность, т.е. имеющих смысл, составляет содержание информационной системы. Кроме того, информационная система предполагает наличие механизма хранения и передачи информации, а также обеспечения целостности и безопасности как содержания, так и формы самой системы. Так, любая система знаний предполагает наличие механизмов передачи этих знаний, их обновления, защиты авторских прав, и т.д. Системы, хранящие конфиденциальную информацию, наделены усложненной системой защиты и предполагают ограниченный доступ. В этих случаях угроза безопасности такой информационной системы – нарушение режима ограниченности ее доступности.

Состояние безопасности информационной системы зависит от типа политической системы страны, от особенностей политического режима. Так, тоталитарный режим предполагает большую закрытость информационной системы, что является негативным фактором с точки зрения недоступности альтернативных источников информации, дефицита разнообразных новостей, идеологизированности информационного поля, и т.д. Однако, закрытость информационной системы в условиях тоталитаризма предполагает ее большую защищенность, более высокий уровень безопасности. Это – качество функционирования закрытых систем, которые испытывают минимальное воздействие извне, соответственно, подвержены меньшему риску быть атакованными в результате проникновения дестабилизирующих внешних факторов.

Демократические формы правления, нацеленные на максимальную открытость информационной системы, на разнообразие и альтернативность источников информации и предлагаемых ими сведений, являются более свободными, но менее защищенными от негативных воздействий извне. Тем не менее, закрытость/открытость информационной системы в различных политических режимах также является лишь относительно значимым критерием безопасности и защищенности от внешних информационных атак. Например, в противовес сказанному о большей защищенности закрытых (тоталитарных) информационных систем можно привести ряд аргументов, согласно которым закрытая информационная система в определенных условиях больше подвластна внешним информационным атакам, чем демократическая. Это происходит тогда, когда тоталитарная (закрытая) информационная система начинает испытывать острый информационный голод, не обеспечиваемый собственными средствами. В таких ситуациях происходит плохо контролируемое открытие информационной системы всему новому, в том числе опасному для функционирования системы, и зачастую происходит системный ценностный кри-

зис, свидетельствующий о нарушении состояния информационной безопасности.

3.2 Стратегии информационных войн.

Данный раздел третьей главы посвящен актуальным проблемам ведения информационных войн в системы информационной безопасности государства и общества. Проблема информационных войн более чем насущна и характеризует современный тип противоборства с использованием традиционных и новейших технологий и методов воздействия на массовое сознание и поведение с целью достижения превосходства в конфликте.

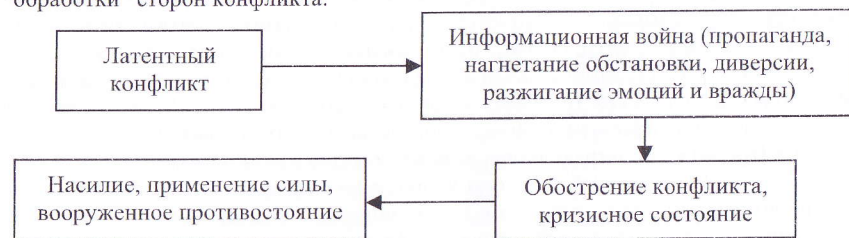
В данном разделе даются определения и анализ таких понятий, как информационная война, информационно-психологическая война, информационное оружие, объект информационной атаки, и т.д. В частности, информационная война в ряде исследований определяется как "коммуникативная технология по воздействию на массовое сознание с кратковременными и долговременными целями"¹³, или как "форма межгосударственного соперничества, реализуемая посредством оказания информационного воздействия на системы управления других государств и их вооруженных сил, а также на политическое и военное руководство и общество в целом, информационную инфраструктуру и средства массовой информации этих государств для достижения выгодных для себя целей при одновременной защите от аналогичных действий своего информационного пространства"¹⁴.

Информационную войну можно определить как борьбу за информационное влияние в целях управления информационно-коммуникативным пространством и средствами, подчинения их собственным целям и интересам. Причем, в случае информационной войны следует говорить о латентном (скрытом) или открытом конфликте, т.к. любое желание и стремление получить полный контроль над информационным пространством непременно сталкивается с определенным сопротивлением со стороны других субъектов, которые в большей или меньшей мере желают того же. Кроме того, власть над информационными ресурсами является непременным атрибутом, существенной частью политической власти, средством политического влияния и управления, соответственно, этот важнейший компонент и источник политической власти постоянно находится в центре столкновения противоборствующих сил.

Будучи относительно новым явлением, информационная война велась на протяжении всей истории, однако наибольшего мастерства в ее подготовке и ведении достигают сегодня, в век информационной революции. Сила участника международных отношений проявляется не только в наличии материально-военного ресурса, но и в способности на превентивные меры по предотвращению возможности информационной атаки. Так, бомбардировки войсками НАТО Багдада в 2003 году были начаты с ракетного обстрела здания иракского телевидения, с тем чтобы лишить иракцев возможности определять морально-идеологический настрой населения Ирака и соседних стран.

Можно сказать, что существующий в любом обществе (особенно в переходном, нестабильном, развивающемся) латентный, скрытый конфликт интересов

(социальное неравенство, принимающее в нестабильных обществах крайние формы единичной сверхобеспеченности и массовой нищеты, межэтнические споры, и т.д.), может стать открытым, прямым противоборством в результате информационной "обработки" сторон конфликта:

В данном разделе анализируются стратегии ведения информационных войн, их эффективность и применимость в различных условиях с учетом политических целей и особенностей аудитории. Здесь предлагаются и обосновываются также две концепции информационного противостояния в условиях современных глобальных социально-политических трансформаций:

1. Концепция "придумывания кризиса" и управления им.

Кризис может быть не только реальным, но и кажущимся, виртуальным, придуманным. "Придумывание кризиса", его инсценировка, или разыгрывание, является сложным информационным процессом манипуляции общественным сознанием с целью убедить людей в том, чего на самом деле нет. Иными словами, чтобы люди начали действовать, как если бы находились в ситуации острого кризиса, необходимо убедить их в том, что кризис действительно существует. В процессе подобной информационной войны люди пытаются убедить в том, что их жизнь и деятельность находятся под угрозой, что условия жизни являются невыносимыми, что политическая власть нелегитимна и неэффективна в решении людских проблем, что людей постоянно обманывают, и т.п.

«Придумывание кризиса» является стратегией большой политики. С позиции данной концепции можно рассматривать такие события современной истории, как, например, использование терактов 11 сентября 2001 г. в США в качестве повода для осуществления США силами НАТО войн в Афганистане и Ираке (для «борьбы с международным терроризмом», для «предотвращения разработки Ираком оружия массового уничтожения»), и т.д.

2. Концепция информационно-политического "перетягивания" в процессе перераспределения мировых сил влияния и ресурсов.

Постсоветское перераспределение мировых политических сил и ресурсов, принимающее форму перетягивания сильными игроками слабых, осуществляется прежде всего информационно-идеологическими средствами. Сильнейшие игроки, действующие в регионах бывших империй (например, в Центральной Азии и на Кавказе после развала СССР), такие как США, Россия, Китай и др., пытаются осуществить свои стратегические интересы с помощью "силы своего притяжения", используя различные средства притяжения и давления – экономические (трубопроводы, включение в региональные проекты, манипулирование ценами на поставляемые энергоресурсы), финансовые (финансовая помощь, субсидии, гранты), идеологичес-

¹³ Почепцов, Г. Г. Информационные войны. М.: "Рефл-Бук", 2001, сс. 20-21.

¹⁴ Крутских А., Федоров А. "О международной информационной безопасности" // Международная жизнь, 2000, N 2, с. 42.

кие (демократизация и защита прав человека), военно-политические (осуществление совместных военных программ и учений, "Сотрудничество ради мира", военно-техническая помощь, экипировка, консультирование и обучение), сугубо военные (борьба с терроризмом и вовлечение стран региона в той или иной степени в анти-террористическую кампанию); соответственно, страны региона притягиваются к тому игроку, который "тянет сильнее", одновременно отрываясь от того игрока, чья "хватка" слабеет. В диссертационном исследовании приводится схема и примеры современных политических трансформаций, демонстрирующие и обосновывающие данную концепцию информационно-идеологического "перетягивания".

3.3 Пропаганда: определение, анализ, методы применения

Понятие "пропаганда" зачастую используется в отрицательном значении, в качестве воздействия на аудиторию с целью обмана, злоупотребления незнанием, направления мыслей и действий слушателя на достижение целей, нежелательных для слушателя, однако, не осознаваемых им как нежелательных. Негативность воздействия пропаганды и подобное ее восприятие большинством людей связано с тем опытом, который сложился вокруг использования пропаганды недемократическими политическими режимами в 20-м веке, в частности, негативные последствия массовой пропаганды нацизма и фашизма в гитлеровской Германии. Кроме того, после развала СССР на всем пространстве посткоммунистических стран пропаганда, особенно в первые годы независимости, односторонне ассоциировалась с советской коммунистической пропагандой, показавшей свою несостоятельность и манипулятивность. Соответственно, в постсоветских странах на начальном этапе всё, что как-то напоминало пропаганду, в том числе национальная идеология, воспринималось негативно, отрицалась необходимость создания, популяризации и легитимизации системы политических стратегий и тактик государства, что воспринималось как тип пропаганды. В результате отрицание необходимости внутренней идеологии привело к ее замене на идеологию внешнюю, соответственно, к большей подверженности внешним угрозам информационной безопасности.

Тем не менее, пропаганда не всегда имеет негативные последствия, не всегда изначально нацелена на достижение эффекта, нежелательного для реципиента. Так, коммерческая реклама является пропагандой товаров и услуг и служит интересам не только производителей, но и потребителей. Следовательно, негативные или позитивные эффекты воздействия пропаганды зависят от ее целей и средств.

Среди целого ряда рассмотренных в работе определений пропаганды наиболее обобщающим и функциональным, на наш взгляд, является определение пропаганды, данное Алексом Кери: Пропаганда – это "коммуникации, форма и содержание которых определяются одной-единственной целью – приведением целевой аудитории к принятию позиций и убеждений, заранее избранных спонсорами этих коммуникаций"¹⁵. Вероятно, что если цели авторов-заказчиков коммуникации и ее целевой аудитории будут различны, то навязывание подобной коммуникации посредством пропаганды будет негативным для аудитории. Г. С. Джоветт и В. О'Доннелл считают пропаганду подкатегорией убеждения: "Пропаганда – продуманное, систематическое воздействие с целью формирования

восприятий, манипулирования сознанием и направления действий для достижения ответной реакции, напрямую соответствующей намерениям пропагандиста"¹⁶.

Интересно заметить, что согласно наиболее широкому определению пропаганды, любой процесс обучения является пропагандой, т.к. распространяет информацию, ограниченную рамками пространства и времени, а также рамками знаний, представлений, ощущений, мировосприятия и идеологической направленности источника информации, в роли которого обычно выступает человек или созданные им средства научно-образовательной деятельности (книги, статьи, теле- и радиопередачи, Интернет-источники). Тем не менее, мы считаем, что одной из основных особенностей пропаганды, в отличие от универсального процесса обучения, является воздействие на адресата помимо его воли, зачастую против воли получателя информации, в ущерб аудитории и в пользу пропагандиста и его спонсоров. Процесс обучения, в отличие от пропаганды, в основном инициируется самим обучаемым, основывается на его добровольном участии, деятельности и активности.

Информационная война и пропаганда также не идентичны, хотя пропаганда является одним из основных средств ведения информационной войны. Пропаганда скорее идентична понятию "агитации", и в нашем понимании обозначает распространение идей. Пропаганда как распространение идей охватывает более широкую область человеческих взаимоотношений, нежели информационная война, которая ограничивается конфликтом. Пропаганда характерна не только для конфликта, но и, скажем, является способом преодоления конкуренции, методом популяризации идей, взглядов, вкусов, моды, в результате пропаганды могут быть достигнуты рыночные цели увеличения продаж товаров, распространение определенных видов продукции, и т.д. Пропаганда является характерным проявлением связей с общественностью (PR), выступает в виде коммерческой рекламы, направленной на распространение привлекательности тех или иных видов товаров и услуг. В области политических коммуникаций пропаганда выступает определенным источником информации для определения политического выбора граждан, нацелена на активизацию политических предпочтений граждан, на стимулирование их политической ориентации и политического участия. Таким образом, пропаганда как технология - явление намного шире, чем информационная война, и применяется также в коммерческой рекламе, в распространении различных стилей поведения (например, пропаганда здорового образа жизни, пропаганда в патриотических целях) и т.д.

В условиях информационной войны пропаганда нацелена на уничтожение целей и ценностей противника, на их замещение изначально выработанными моделями поведения, позволяющими превратить врага в послушного исполнителя собственных идей и замыслов. В этом смысле пропаганда как метод ведения информационной войны соответствует своему определению как процесс распространения идей, однако в условиях конфликта и информационной войны распространение идей направлено на подавление противника, а не на его освобождение. **Пропаганда в информационной войне направлена на создание представления о безальтернативности выбора.** Именно этим характерно пропагандирование идей и моделей

¹⁵ Carey, A. Taking the risk out of democracy: Corporate propaganda versus freedom and liberty. Urbana: University of Illinois Press, 1997, p. 2.

¹⁶ Jowett, G. S., & O'Donnell, V. Propaganda and Persuasion. USA: Thousand Oaks, Sage Publications Inc., 2006, p. 7.

поведения в условиях конфликта и кризиса.

В данном разделе диссертации рассматриваются типы пропаганды – “Черная пропаганда”, “белая пропаганда”, “серая пропаганда”, “дезинформация”, “содействующая пропаганда”, а также анализируется целый ряд стратегий и методов пропаганды в условиях политических конфликтов и кризисов.

3.4 Коммуникативные аспекты конфликта идентичности

В данном разделе третьей главы анализируются конфликтные установки в связи с групповой, этнической, национальной и государственной идентификацией людей. Такие определения участников конфликта, как “Мы” и “Они”, обретают особый смысл именно в качестве единиц конфликтных коммуникаций в процессе их соответственной идентификации. В данном разделе анализируются особенности конфликтного поведения, обусловленного идентификацией “себя” и “другого” в конфликте, а также вопросы манипулирования идентификацией как стратегии управления конфликтом. В частности, здесь подвергается анализу процесс замены государственной идентичности на национальную в результате развала СССР. Данный процесс, а также последующий конфликт идентичностей рассматривается на примере современного национального дискурса в Украине по поводу Украины как не-России.

Кроме того, на уровне международного конфликта манипулирование идентичностью исследуется на примере “Обращения к Нации” президента Буша (29.01.2003), предшествовавшего введению войск НАТО в Ирак и смене режима Саддама Хусейна. Выступление Буша было нацелено именно на изменение самоидентификации граждан Ирака, на их переориентировку с национальных ценностей и поддержки правящего режима в поддержку сил НАТО (идея “демократизации” Ирака). Выступление транслировалось по всему миру. Текст выступления Буша содержит призывы и доводы, адресованные собственному народу, народу других стран (“внешней” аудитории), народу Ирака, а также лично Саддаму Хусейну и его окружению.

В обращении президента Буша иракский народ изображается невольной, слабой жертвой собственного диктаторского режима. На этом фоне Америка выступает как освободительница. Идея здесь такова: идентификация иракцев с Саддамом означает идентификацию с террористами и терроризмом (последнее имеет однозначно-негативный смысл). Буш ставит иракцев перед дилеммой: помощь и поддержка Саддама означает поддержку терроризма и, соответственно, будет наказана. Помощь коалиционным войскам означает помощь демократии и антитеррору и, соответственно, будет поощряться.

Таким образом, изменение идентификации может вызвать конфликт и, наоборот, смягчить его и трансформировать в русло решения. Именно поэтому вопросы идентичности нередко становятся предметом различного рода политических манипуляций. Вместе с тем управление факторами идентичности (Identification Management) позволяет контролировать динамику конфликтных отношений.

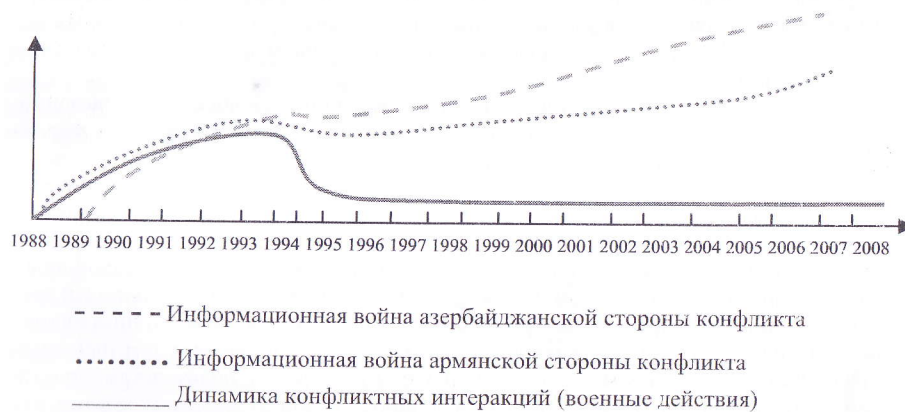
3.5 Особенности информационной войны в карабахском конфликте: анализ Интернет-страниц

Пятый раздел третьей главы посвящен исследованию автором коммуникационных стратегий ведения информационной войны участниками карабахского конфликта в Интернете. Информационная война в карабахском конфликте с самого

начала современной фазы конфликта (условно - с 1988 года) сопровождала конфликтные интеракции, формируя соответственно образ врага, используя исторические аналогии, пытаясь мобилизовать население, взывая к патриотизму, к ненависти и вражде. Динамика развития силовых / боевых действий шла по возрастающей, и параллельно развивались конфликтные коммуникации между сторонами в виде прямой и косвенной информационной войны.

После подписания соглашений о прекращении огня в 1994 году весь конфликтный потенциал и ресурс был направлен в русло ведения информационной войны, которая на сегодняшний день более интенсивна, разносторонняя, агрессивная и профессионально спланированная, нежели в процессе боевых действий и тем более в начале конфликта. Причем, механизм компенсации, замещения интеракций конфликтными коммуникациями более активно реализуется азербайджанской стороной, которая пытается заместить поражение на полях боевых действий победами в информационном поле (об этом свидетельствуют, в частности, сравнительные исследования Интернет-пространства). Здесь приводится разработанная автором модель информационной войны в карабахском конфликте, демонстрирующая динамику функционирования конфликтных коммуникаций в процессе смены стадий карабахского конфликта, начиная с 1988 года по 2008 год (на протяжении 20 лет):

*Модель информационной войны в условиях “замороженного конфликта”
(на примере карабахского конфликта).*

В результате анализа более чем двадцати наиболее крупных и функциональных азербайджанских и армянских Интернет-сайтов, специально посвященных карабахскому конфликту и осуществляющих пропаганду позиции своих создателей, автор классифицировал типы и методы пропаганды в карабахском конфликте в Интернет-пространстве, их особенности, их направленность на определенную аудиторию. В частности, выявлены особенности использования сторонами определенной национальной и международной конфликтной символики для визуальной демонстрации своей позиции и создания образа врага; прослеживается исполь-

зование сочетания текстовых и визуальных носителей информации, использование определенного языка (национальный, иностранный) как механизма нацеленности пропаганды на внутреннюю / внешнюю аудиторию. Выявлены особенности ведения пропаганды в конфликте в зависимости от официальности / неофициальности источника. Наконец, выявлены и проанализированы манипулятивные стратегии ведения информационной войны и пропаганды азербайджанской стороной в Интернет-пространстве.

Следует отметить, что, во-первых, азербайджанская сторона использует свой информационный ресурс эффективнее и активнее, нежели армянская сторона, включая множество иностранных источников информации, проводя через них свою пропаганду. Кроме того, мотивация азербайджанцев по использованию информационно-коммуникативных средств в конфликте намного выше, нежели у армянской стороны, которая, судя по состоянию информационной войны в Интернет-пространстве, меньше осознает важнейшую роль информационных средств противоборства как реального и существенного фактора, влияющего на возможный исход конфликта. Это, в частности, прослеживается в том, что армянскую позицию в конфликте в основном выражают Интернет-сайты официальных политических ведомств страны, когда как азербайджанскую антиармянскую пропаганду осуществляют как государственные, так и частные сайты, создаваемые содействующими фондами (в частности, Фондом Гейдара Алиева); кроме того, множество азербайджанских сайтов создается на базе иностранных организаций, а также отдельными азербайджанскими гражданами в стране и за рубежом. Таким образом, азербайджанская антиармянская информационная война реализуется из разнообразных источников, включая различные средства, с использованием иностранных языков, в том числе армянского.

Среди стратегий азербайджанской информационной войны можно выделить стратегии *“Оккупации базовых ценностей – символов принадлежности территории и истории происхождения”* и *“Дезинформацию и героизацию”*. Кроме того, для азербайджанской информационной войны особо характерна стратегия *“Двойной обман”* - так мы предлагаем назвать эту технику информационного воздействия на собственную аудиторию и аудиторию противника, целью которой является формирование и закрепление определенных убеждений у собственной аудитории с параллельным обманом и дискредитацией аудитории и представителей противника. Авторы подобного материала с целью придания ему некоего правдоподобия приводят в его подтверждение высказывания, приписываемые тем или иным представителям армянской элиты – армянским журналистам, политологам, политикам. Суть данной методики ведения информационной войны заключается в том, что указываемые азербайджанскими авторами армянские фамилии “армянских деятелей”, на которых те ссылаются, или не существуют вовсе, или же являются реальными, однако, умышленно приписываемые этим лицам высказывания в действительности выдуманы азербайджанскими авторами. Подобная стратегия информационного воздействия достигает двух целей – убеждения собственного народа и мобилизации своей аудитории, с одной стороны, и дискредитации представителей политической элиты соперника, с другой.

Глава 4 – Информационно-коммуникативные проблемы принятия решений в условиях конфликта и кризиса – посвящена прикладным проблемам

управления в условиях конфликта. Центральным механизмом управления является процесс принятия решений, который в данной главе анализируется с точки зрения его обусловленности конфликтностью и кризисностью ситуации, в которой необходимо принимать адекватные решения.

4.1 Информационно-коммуникативная составляющая процесса принятия решений.

В первом разделе четвертой главы анализируются информационно-коммуникативные компоненты процесса принятия политических решений в условиях конфликта и кризиса. С точки зрения конфликтных коммуникаций наиболее интересным представляется анализ информационно-коммуникативной компоненты процесса принятия решений, возможностей и особенностей применения коммуникативных технологий по провоцированию или, наоборот, урегулированию конфликта.

В данном разделе рассматриваются этапы процесса принятия решений, их информационно-коммуникативные компоненты, воздействие информации на процесс принятия решений, факторы контроля информации как механизма влияния на принимаемые решения. Здесь анализируются факторы восприятия участниками конфликта поступающей информации, их избирательное отношение к источникам и содержанию информации в принятии решений как особенность кризисной обстановки. Анализируются элементы так называемого *ошибочного восприятия* в принятии решений в условиях конфликта и кризиса. Кроме того, в работе анализируются факторы вероятности принятия военных решений, такие, как низкая популярность политического лидера, наличие экономических проблем, общая международная напряженность, и др. Так, наличие экономических проблем в стране делает вероятным принятие властями военно-силовых решений, отвлекая тем самым внимание граждан от экономических проблем и как-бы ища виноватых. Между тем, военные решения, как правило, не облегчают, а усугубляют экономические проблемы. В частности, наступивший в 2008 г. в США и мире экономический кризис подтверждает правильность взаимной корреляции между вероятностью военных решений и экономическими проблемами.

4.2 Информационно-коммуникативные технологии обоснования решений в условиях конфликта

В данном разделе рассматриваются проблемы преподнесения принимаемых в условиях политического конфликта и кризиса решений в социально-политическом дискурсе. То, какое решение в условиях конфликта наиболее адекватно сложившейся обстановке, целям и задачам участника конфликта, а также ожиданиям общества, возможно проследить с помощью изучения текстов выступлений лидеров и обсуждений проектов решений в обществе. Проблема обоснования в принятии решений непосредственно затрагивает аргументативный аспект политической коммуникации, причем в контексте современных информационных возможностей результативность принимаемых политических решений напрямую связывается с коммуникативной детерминантой. Обоснование принимаемых решений - часть политического процесса, целью которого является проведение и принятие того или иного варианта решения путем оценки его положительных и отрицательных сторон

с точки зрения участвующих и заинтересованных субъектов¹⁷.

В данном разделе главы исследуется аргументативный процесс приведения аргументов в подтверждение собственной правоты и в целях обоснования решений. Здесь классифицируются типы аргументов, приводимые участниками конфликтов в подтверждение своей позиции, анализируется современный социально-политический дискурс вокруг конфликтов в Косово, Ираке, Афганистане, Карабахе, Грузии.

В частности, выделяются *ценностно-нормативные и фактологические аргументы обоснования политических решений*, *“политический интерес”* и *“политические цели”* как элементы политических коммуникаций по поводу любого конфликта, *“нормативно-правовые аргументы”*, использование которых придает принимаемому в конфликте политическому решению легитимность и правомерность. Кроме того, здесь анализируются такие формы обоснования, оправдания политических решений в публичном дискурсе, как *“морально-правственные аргументы”*, явление *“политического прецедента”* как основание для принятия очередных решений в конфликте, и др.

Глава 5 - Терроризм в системе современных конфликтных коммуникаций - посвящена специальному изучению проблемы терроризма в качестве коммуникативного феномена, включенного в современную систему глобальных коммуникаций. Активная роль терроризма в качестве важнейшего элемента современных политических коммуникаций является результатом деятельности как самих террористов, так и СМИ, руководствующихся своими интересами в условиях конкуренции на рынке информационно-развлекательных услуг. Феномен терроризма рассматривается как явление, возникшее естественным путем и имеющее объективные причины, а также как *сугубо виртуальный феномен*, созданный и нарастающий в области современных Масс Медиа в политических целях.

5.1 Современное понимание и восприятие понятия “терроризм”.

В первом разделе пятой главы рассматриваются различные определения понятия “терроризм”, разработанные современными авторами.

Так, Г. Кулер дает наиболее общее универсальное определение терроризма: “Терроризм – преднамеренное нагнетание людьми массового страха с целью обеспечения и поддержания контроля над людьми”¹⁸. В словаре-справочнике “Террор и террористы” понятие “Терроризм” определяется следующим образом: “Современная политическая наука видит в Терроризме одну из крайних форм политического экстремизма. Неотъемлемое свойство терроризма – систематическое применение насилия, используемого при соответствующем социально-политическом, идеологическом обосновании. Достижение поставленных террористами целей включает два этапа: на первом осуществляется акт устрашения, а на втором этапе террористы управляют поведением людей в нужном для себя направлении, будь то отдельная группа людей или властные структуры”¹⁹. П. Норрис, М. Керн и

¹⁷ Об этом подробнее в: Атанесян, А. В. Обоснование в принятии политических решений. Е.: “Гитутюн” НАН РА, 2002, 208 стр.

¹⁸ Cooper, H. H. A. “Terrorism: The Problem of Definition Revisited” //Martin, G. (ed.). The New Era of Terrorism. Selected Readings. Thousand Oaks, London and New Delhi: Sage Publications, 2004, p. 56.

¹⁹ Ланцов, С. А. Террор и террористы: словарь. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2004, сс. 139-140.

М. Джаст дают следующее определение понятия *терроризм*: “Терроризм – это метод, или тактика, включающая принудительное запугивание, угрозу или использование насилия с целью уничтожения частной собственности, или причинения физического вреда людям в качестве механизма контроля. Этот процесс реализуется с помощью саботажа, разрушительных беспорядков, угонов самолетов, наемных убийств, похищения людей, поджога, массовых отравлений, пыток, насилия, взрывов, и незаконного заключения в тюрьму в целях внушения целевому населению страха, беззащитности и беспокойства. Терроризм систематичен, т.е. следует говорить скорее о наличии типа такого поведения, нежели о единичном инциденте. Акты терроризма, принуждающие других, качественно отличаются от мирных форм прямого протеста, даже от пассивных техник, таких, как разрушительные демонстрации, сидячие забастовки, перекрытие дорог, несанкционированные забастовки, и действительно экстремальные акты самопожертвования. В демократических обществах возникновение угрозы террористического насилия демонстрирует окончательный провал общепринятых каналов политического выражения и легитимных форм власти. В недемократических обществах, в районах, находящихся в военной оккупации, или на международной арене, где возможности политического выражения ограничены, группы, противопоставляющиеся создавшейся ситуации, предпринимает террористическую активность как первичный способ выражения своих целей, но не как единственный выход”²⁰.

В данном разделе рассматриваются различные формы терроризма, такие, как международный терроризм, терроризм в условиях военных действий, кибертерроризм, и т.д. Анализируется восприятие терроризма в различных странах и обществах, согласно имеющимся данным опросов, проводимых, как правило, в обществах, пострадавших от терактов, в частности, в США и России. Демонстрируется неоднозначность содержания данного понятия, что позволяет манипулировать им.

5.2 Терроризм как коммуникативное явление.

Второй раздел пятой главы посвящен терроризму как феномену конфликтных коммуникаций.

Терроризм является одним из наиболее популярных и, вместе с тем, неоднозначных, спорных предметов современного дискурса. Проблема терроризма активно дискутируется в политических, социальных, экономических, цивилизационных спорах и обсуждениях; средства массовой информации и коммуникации уделяют проблеме терроризма первостепенное внимание. Терроризм “смакуется” в прессе, на радио и особенно на ТВ. Порой возникает ощущение, что СМИ и политические деятели увлекаются терроризмом больше и чаще, чем сами террористы. В результате возникает целый ряд эффектов, имеющих для общества дисфункциональный характер.

Так, обострение общественных настроений и восприятий терроризма как следствие деятельности Масс Медиа позволяет политическим лидерам принимать крайние решения, невозможные в иных условиях. Возникает эффект “секьюритиза-

²⁰ Norris, P., Kern, M., Just, M. Framing Terrorism: The News Media, the Government and the Public. NY and London: Routledge, 2003, p. 6-7.

ции”²¹ определенных проблем и задач (придание этим проблемам статуса жизненно важных, экстренных, связанных с безопасностью государства и общества). На принятие решений такого рода легче мобилизовать ресурсы и общественную поддержку. Возникает вероятность того, что под грифом “борьбы с терроризмом” возможно решение вопросов, с терроризмом не связанных, но представленных общественности как “проблема терроризма”.

Целый ряд исследований, особенно после террористических актов 11 сентября 2001 года в США, показывает, что кризисная ситуация является достаточным основанием для властей, чтобы временно (в неопределенной временной перспективе) взять под свой полный контроль деятельность Масс Медиа в стране. В условиях конфликта и кризиса власть пытается контролировать деятельность СМИ касательно освещения развития конфликта, его причин, кризисных вопросов, терроризма и его определенного восприятия в обществе.

Проблему освещения терроризма в СМИ следует рассматривать в контексте технологий освещения в Масс Медиа политических конфликтов как более широкой проблемы. Как правило, освещение конфликтов и терроризма в Масс Медиа осуществляется с помощью дихотомичных объектов – носителей узловых смыслов, вокруг которых строится общественно-политический дискурс по поводу конфликтов и терроризма, а именно:

1. Свои участники – чужие участники
2. Друзья – враги
3. Наши цели – их цели
4. Наши средства – их средства
5. Наши аргументы – их аргументы
6. Наши жертвы – их жертвы
7. Гражданские – военные
8. Классовая, расовая, гендерная, возрастная принадлежность преступников и их жертв
9. Наши герои – их преступники.

В данном разделе анализируется также процесс создания образа террориста (террористки) в Масс Медиа, рассматриваются стратегии изображения, или демонстрации терактов, террористов и жертв в СМИ различных стран, их особенности. Терроризм как коммуникативное явление нередко используется политическими лидерами во время избирательных кампаний. Использование угрозы терроризма как основания для нестандартных решений позволяет политикам выступать перед избирателями с новыми предложениями, с аргументами необходимости силовых решений, что демонстрирует политика как сильного, волевого лидера, способного на большее, чем его предшественники. Так, взлет президентской карьеры В. В. Путина пришелся на так называемую “Вторую чеченскую войну”, сопряженную страшными терактами в различных регионах России. Восприятие Путина как сильного и волевого политика, было обусловлено его риторическими приемами по поводу терроризма и террористов, такими, как “Буду мочить террористов в сортире”, и т.п.

²¹ Buzan, B., Wæver, O., de Wilde, J. Security: A New Framework for Analysis. London: Lynne Rienner Publishers, Inc., 1998, 237 p.

Контроль властями деятельности СМИ в условиях конфликта и кризиса осуществляется не только на законодательно-исполнительном уровне, но и в качестве естественного процесса формирования спроса и предложения на медиа-рынке. Будучи непосредственными участниками любого внутри- и внешнеполитического кризиса, именно власти обладают большей и более свежей информацией о развитии процесса. Соответственно, власти могут подавать эту информацию в определенных пропорциях через те источники масс медиа, которые им подвластны и подконтрольны.

Попытки контроля властями деятельности СМИ в условиях конфликта и кризиса, а также предвыборных кампаний, являются аксиоматичным явлением. Аналогичная картина наблюдалась после президентских выборов в феврале 2008 года в Армении, в результате которых оппозицией, не пришедшей к власти, были санкционированы массовые митинги, вылившиеся в вооруженное столкновение с силами милиции 1 и 2 марта 2008 года. Убитые и раненые с обеих сторон, введение президентом чрезвычайного положения в стране – все эти факторы позволили властям сконцентрировать освещение событий в рамках государственных СМИ. Как следствие, создавшимся вакуумом в освещении определенных фактов государственными СМИ воспользовались авторы неформальных массовых коммуникаций, представлявшие оппозицию, пытаясь мобилизовать народные волнения и дестабилизировать обстановку именно в коммуникативном поле, на уровне распространения слухов, лазерных дисков с собственной интерпретацией событий, и т.п. Кроме того, в отсутствии альтернативной информации многие граждане Армении пользовались освещением пост-электоральных событий на азербайджанских Интернет-сайтах, что само по себе является источником информационной угрозы, а в данном случае было результатом ошибочной информационной политики в Армении.

Заключение.

В заключении обобщаются результаты диссертационного исследования, из которых мы выделим следующие положения:

- Обоснование и разработка понятия “конфликтные коммуникации” в качестве научного понятия и самостоятельного объекта политологических исследований на теоретико-концептуальном уровне включает анализ целого ряда вопросов, включенных в систему знаний в области политологии, теории международных отношений, политической социологии и психологии, теории Масс Медиа. Политологическая проблематика исследования конфликтных коммуникаций включает проблемы места и роли конфликтных коммуникаций в политическом конфликте, воздействие коммуникативных процессов между участниками конфликта на интеракции между ними, на их конфликтный потенциал, на динамику развития конфликта и процесс его урегулирования. Кроме того, политологическая проблематика исследования конфликтных коммуникаций включает актуальные вопросы информационной безопасности и информационной войны, пропаганды, освещения конфликтов и кризисов в СМИ, использование феномена “терроризм” в качестве важнейшего элемента информационно-коммуникативных процессов управления общественным сознанием и поведением.

- Конфликтные коммуникации – это необходимая часть стратегии и тактики конфликтных отношений. Конфликтные коммуникации имеют целью осуществление конфликтных намерений, их успешное воздействие с целью

достижения информационно-психологического, идеологического и правового превосходства над противником. Стратегическими и тактическими приемами реализации конфликтных коммуникаций является создание и поддержание образа “врага” и “жертвы”, ведение эффективной информационной войны и создание системы информационно-коммуникативной защиты. Конфликтные коммуникации рассматриваются в работе как неотъемлемая часть конфликтных отношений, непосредственно связанная с конфликтными взаимодействиями, или интеракциями участников политического конфликта и кризиса. Конфликтные коммуникации непосредственно влияют на особенности интеракций между участниками конфликта, на динамику военно-силовых характеристик протекания конфликта, на возможности управления конфликтом и его разрешения. Термин “конфликтные коммуникации” выражает реалистические цели и намерения участников конфликта по одержанию информационно-психологического, идеологического превосходства с конечной целью одержания победы в конфликте. Таким образом, конфликтные коммуникации – это, во-первых, коммуникативное поле конфликтных взаимоотношений; во-вторых, это – система стратегий и тактик ведения информационной войны и обеспечения информационно-коммуникативной поддержки принимаемых в конфликте политических, военных, экономических, демографических решений.

- В системе социально-политических коммуникаций современного информационного общества постоянно присутствуют явные или скрытые, контекстуальные элементы конфликтности, которые управляются посредством средств массовой информации и переносятся с одного объекта социально-политического дискурса на другой, что позволяет в нужное время направить конфликтность общественно-политических восприятий и настроений в нужное русло, мобилизовать общественное сознание и поведение на определенные действия и поддержку политических решений.

- В условиях потенциального или актуального конфликта и кризиса общественные настроения и поведение направляются на определенное участие прежде всего с помощью конфликтных коммуникаций. Переход от коммуникаций к интеракциям (прямым силовым столкновениям) демонстрирует динамику взаимодействия коммуникативных и интерактивных составляющих конфликта.

- Управление конфликтом, включая эскалацию и деэскалацию конфликта, а также процесс его урегулирования и разрешения, в основном подразумевает именно управление его информационно-коммуникативной составляющей, которая в свою очередь воздействует на военно-силовые и другие формы интеракций между участниками конфликта. Таким образом, динамика развития конфликтных отношений зависит от вариантов и моделей коммуникативных процессов между участниками конфликта, а именно от типов и форм конфликтных коммуникаций.

- Разработка, обоснование и применение динамических моделей взаимодействия коммуникаций и интеракций в политическом конфликте и кризисе является необходимым звеном изучения и управления коммуникативно-интерактивными процессами в конфликте. Разработанные здесь модели представляют динамику взаимодействия коммуникативной и интерактивной составляющих различных конфликтов. Представленные модели демонстрируют взаимодействие коммуникаций и интеракций в конфликте в качестве динамического процесса, особенности которого характеризуют динамику развития конфликта и возможности его решения.

В работе представлены пять моделей конфликтных коммуникаций, разработанные на основе анализа ряда современных политических конфликтов и кризисов, и применимые в анализе политических конфликтов в настоящем и будущем.

- Применение принципов структурного функционализма к определению, оценке и развитию систем безопасности, в частности, информационной безопасности государства и общества, является эффективным теоретико-методологическим подходом, наиболее адекватным в условиях современных информационных угроз и вызовов безопасности, имеющих системный характер и соответствующих теории структурного функционализма и реализма.

- В результате применения принципов структурного функционализма к проблематике национальной и информационной безопасности как свойствам системы понятие “безопасность” определено как состояние системы, связанное с ее целостностью, со структурными и функциональными особенностями. В состоянии безопасности система функционирует стабильно. Нарушение стабильности функционирования системы является нарушением ее безопасности.

- “Угрозы безопасности” можно определить как все те явления, которые не поддаются системному контролю, вызывая структурные и функциональные отклонения системы. Соответственно, “внутренние угрозы безопасности” могут быть определены как внутрисистемные дисфункции, нарушающие стабильное функционирование системы, а “внешние угрозы” – факторы внешней среды, воздействующие на стабильное функционирование и развитие системы.

- “Информационная безопасность” определяется как современная область исследования и обеспечения безопасности информационных систем, структур и функций. Информационная безопасность – это и состояние безопасности информационной системы, и состояние защищенности от угроз информационным качествам (структуре и функциям) системы. Так, проблема информационной безопасности возникает не только тогда, когда существует угроза информационной системе (например, базе закрытых данных), но и тогда, когда уязвлены информационные функции неинформационных систем и структур (например, военных).

- Феномен “холодная война” определяется не только как исторический факт американо-советского информационно-пропагандистского противостояния, но и как функциональный тип ведения информационной войны вообще, в качестве разновидности, модели конфликтных коммуникаций, функциональной и применимой в условиях различных конфликтов. Холодная война как специфическая модель конфликтных коммуникаций наиболее вероятна в условиях наличия у сторон конфликта равнозначного силового потенциала и взаимоисключающих интересов, когда прямые военные действия нежелательны или неэффективны, а мирное и конструктивное сосуществование по тем или иным причинам невозможно. Интенсивные конфликтные коммуникации в таких условиях становятся основным типом отношений между сторонами конфликта, обретая формат холодной войны и затрагивая все сферы деятельности государства и общества, включая политику, экономику, военные расходы, образование, науку, официальную идеологию и т.д. Анализ “замороженных” конфликтов с точки зрения конфликтных коммуникаций между участниками в терминах холодной войны представляется очень эффективным, в частности, в решении прикладных задач, связанных с управлением и решением “замороженных” конфликтов.

- Одним из методов информационной войны и пропаганды в конфликтных коммуникациях и информационной войне, является концепция “придумывания кризиса”, в основе которой лежит характерная для современных политических процессов и конфликтов деятельность по направлению политическими элитами общественного сознания и внимания на определенные явления и проблемы, в связи с которыми необходимо реализовать определенные политические интересы и цели. В таких условиях нагнетание кризисности ситуации мобилизует активность масс и поддержку ими крайних решений, которые изначально планировались в политических целях и которые невозможно было бы принять в иных условиях.

- Анализ массива азербайджанских Интернет-сайтов, созданных в пропагандистских целях с использованием современных технологий ведения виртуальной информационной войны в глобальной информационной сети, позволяет выявить целый ряд основных и второстепенных стратегий ведения Азербайджаном информационной войны в карабахском конфликте, а также разработать рекомендации по более активной антипропаганде и информационно-коммуникативной борьбе, необходимой и более чем актуальной для защиты национальных интересов безопасности Армении и армянского народа.

- “Терроризм” следует рассматривать не только как самостоятельное явление, имеющее объективные причины, но также как сугубо коммуникативный феномен, созданный и нарастаемый в области современных Масс Медиа в политических целях управления общественным сознанием и поведением по поводу определенных политических задач. Методология и стратегия создания и использования образа террориста в Масс Медиа являются актуальными элементами реализации стратегий современных конфликтных коммуникаций в глобальном и региональном масштабах, включающих стратегии изображения, или демонстрации терактов, террористов и жертв в СМИ различных стран, их комментирования в современном политическом и стратегическом дискурсе, и использования достигнутых коммуникативных эффектов в практических политических действиях и целях.

- Среди разработанных в диссертационном исследовании концептуальных положений обеспечения информационной безопасности РА и НКР в условиях карабахского конфликта и региональных угроз информационно-коммуникативного характера, влияющих на состояние безопасности наших государств в современных условиях, выделяются основные угрозы информационной безопасности РА, НКР и армянскому народу на внутригосударственном, региональном и международном уровнях.

- На внутригосударственном уровне основными угрозами информационной безопасности Республики Армения и армянского народа являются:

- Угрозы индивидуальному, групповому, национальному сознанию армян,
- Отсутствие адекватной, динамичной информационно-коммуникативной связи между государством и обществом, между представителями власти и избирателями, между различными слоями населения страны,
- Угрозы конституционным правам граждан РА и НКР как внутри страны, так и в странах временного пребывания наших граждан с целью учебы или работы,
- Отсутствие государственной поддержки и единого контроля качества содержания образовательных процессов, особенно в средних школах,
- Отсутствие государственной политики по эстетическому образованию и

развитию культуры поведения в армянском обществе, отсутствие культурно-просветительской политики,

- Отсутствие национального единства по ряду вопросов, стратегических для безопасности РА, НКР и армянского народа,

- Слабая и недостаточная информационная политика Армении по интеграции армянского общества и армянской диаспоры в единое коммуникативное, культурно-образовательное пространство,

- Подверженность общественного сознания граждан страны различного рода манипуляциям, исходящим как из СМИ, так и от различных общественно-политических и религиозных организаций, действующих на территории страны и нацеленных на внесение деструктивных элементов в жизнедеятельность страны и общества, направленных на управление общественным сознанием и поведением в узких, антинациональных целях,

- Отсутствие государственной политики и собственности в сфере телефонной связи страны, монополизация иностранными компаниями сферы телефонной связи страны, незащищенность прав граждан в сфере пользования телефонной связью и Интернет-услугами,

- Угрозы развитию отечественной продукции в сфере Масс Медиа, низкое качество и недостаточность покрытия отечественной продукцией сферы информационных услуг страны, слабый государственный контроль за количеством и качеством представленной на рынке страны информационной продукции зарубежного и внутреннего производства,

- Разработка и использование нелицензионной, некачественной продукции, а также программ, нарушающих нормальное функционирование информационных и коммуникационных систем.

- На региональном уровне основными угрозами информационной безопасности Республики Армения и НКР являются:

- Осуществляемая Республикой Азербайджан антиармянская информационная война и пропаганда, направленная на деградацию и трансформацию международного имиджа РА и НКР, на дегуманизацию образа армян, на создание в регионе и мире антиармянских настроений и действий, в частности, по поводу позиций и решений в карабахском конфликте; такая пропаганда ведется Азербайджаном с использованием всех средств массовой информации и коммуникации, включая глобальное Интернет-пространство,

- Осуществляемая пропаганда непризнания, отрицания гражданами и политическими органами ряда стран факта Геноцида армян в Османской Империи в конце 19-начале 20 века,

- Угрозы информационному обеспечению государственной политики Республики Армения и НКР,

- Угрозы национальному культурно-историческому наследию армянского народа, бесконтрольное использование, расхищение, порча или присвоение исторических памятников армян на территории соседних стран,

- Пассивная включенность Армении в региональные проекты, предполагающие развитие внутрирегиональных и межрегиональных коммуникационных систем и сетей.

- На глобальном уровне основными угрозами информационной безопас-

ности Республики Армения и армянского народа являются:

- Угрозы национальной, культурной самобытности армян в других странах,
  - Угрозы единству армянской диаспоры и ее функциональным связям с Арменией и армянским обществом,
  - Угрозы имиджу Армении на международной арене, в политическом, экономическом, культурном, цивилизационном смысле,
  - Угрозы постановке и решению задач, связанных с развитием и влиянием Армении в мире.
- Решение вопросов обеспечения информационной безопасности РА, НКР и армянского народа с учетом специфических реалий национального, регионального и глобального уровней должно исходить прежде всего от государства с институтами политического управления как основного субъекта международных отношений в реалистическом понимании. Большинство указанных выше угроз и вызовов безопасности РА, НКР и армянскому народу предполагает противодействие и управление прежде всего со стороны государственных органов путем создания и обеспечения функционирования единой системы информационной безопасности, включающей государство, армянское общество, армянскую диаспору с ее организациями, а также глобальное информационное сетевое сообщество.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

1. Атанесян, А. Актуальные проблемы современных политических и конфликтных коммуникаций. Е.: Изд-во Ереванского государственного университета, 2008, 305 стр. (Монография).
2. Атанесян А. Коммуникативные аспекты политических конфликтов. Е.: Издательство НАН РА "Гитутюн", 2005, 156 стр. (Монография).
3. Атанесян, А. "Конфликт и терроризм как масс-медийные события: критический анализ" //Журнал "21 век", Научно-образовательный фонд Нораванк, Ереван, 2009, N 4 (12), сс. 108-122.
4. Atanesyan, A. "Terrorism as a Communication Phenomenon" // Central Asia and The Caucasus, N 3 (57), CA&CC Press, Sweden, 2009, pp. 143-152.
5. Атанесян, А. "Современная пропаганда: определение, анализ, методы применения" //Вестник Балтийской педагогической академии, Выпуск 90. Санкт-Петербург, 2009, сс. 179-189.
6. Աթանեսյան Ա. "Ղարաբաղյան հակամարտության մասնակիցների տեղեկատվական պատերազմի ռազմավարությունները" // Կանթեղ, 2008, N4 (37), էջ 174-186:
7. Миронов, В. В., Атанесян, А. В. "Проблемы структурно-функционального анализа современных международных конфликтов и кризисов" //Журнал международного права и международных отношений, Минск, 2008, N 4, сс. 70-75.
8. Атанесян, А. "Политическая пропаганда в системе современных информационных технологий"// ԵՊՀ Սոցիոլոգիայի ֆակուլտետի տարեգիրք,

- 2008: Ե., ԵՊՀ հրատ., 2009, էջ 116-134.
9. Атанесян, А. (2007). "Современные проблемы информационной безопасности" //Вестник Казахстанского Национального Университета им. Аль-Фараби, серия: Международные отношения и международное право, Алматы, Казахстан, 2007, N 5-6, сс. 10-15.
10. Աթանեսյան Ա. "Ղարաբաղյան հակամարտության պայմաններում Ինտերնետում տեղեկատվական պատերազմի և քարոզչության ադրբեջանական ռազմավարությունների առանձնահատկությունները" //Լեռնային Ղարաբաղի Հանրապետություն. անցյալը, ներկան և ապագան: Միջազգային գիտաժողովի նյութեր: Երևան, Երևանի Պետական համալսարանի հրատ., 2007, էջ 509-530:
11. Атанесян, А. «Тенденции и стратегии освещения политических процессов в СМИ в свете современных критических теорий массовых коммуникаций»//Журнал "Мир Закона", Алматы, Казахстан, 2007, N 8, сс. 23-32.
12. Sahakyan, V., Atanesyan, A., "Democratization in Armenia: Some Trends of Political Culture and Behavior" //Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. Heldref Publications, Washington DC, 2006, Vol. 14, N. 3, pp. 347-354.
13. Атанесян, А. "Коммуникативно-психологические аспекты конфликта идентичности"//Психология и жизнь, Ереван, "Зангак", 2005, N 4, сс.74-78.
14. Атанесян, А. "Парадоксы демократии и тенденции демократизации в странах Центральной Азии и Южного Кавказа" // Международный журнал социально-политических исследований "Центральная Азия и Кавказ", Швеция, 2005, N 6, сс. 13-23.
15. Атанесян, А. "Политическая безопасность" //Исследования Безопасности: Сборник учебных программ по международным отношениям и безопасности. Казахстан, Алматы, Казахстанско-немецкий университет, 2005, сс. 5-22.
16. Атанесян, А. "Стратегия "перетягивания" и перераспределение сил на постсоветском пространстве" // Международный научно-общественный журнал "Мир Перемен", Институт международных экономических и политических исследований Российской академии наук, Москва, 2004, N 2, сс. 129-140.
17. Атанесян, А. "Обоснование в политических решениях: подходы к проблеме" //Человек-Сообщество-Управление. Журнал Кубанского Государственного университета, Краснодар, РФ, 2003, N 4, сс. 41-64.
18. Աթանեսյան Ա. "Քաղաքական հիմնավորման առանձնահատկությունները"/"Փաստարկման տեսություն" մատենաշար, պրակ 1, Ե., ՀՀ ԳԱԱ "Գիտություն", 2003, 41 էջ (գրքույկ):
19. Атанесян, А. "Терроризм: корни, риски и угрозы безопасности (анализ современных тенденций)" // Международный журнал социально-политических исследований "Центральная Азия и Кавказ", Швеция, 2003, N 6, сс. 33-43.
20. Атанесян А. Обоснование в принятии политических решений. Е.: НАН РА "Гитутюн", 2002, 206 стр. (книга).
21. Атанесян А. "Обоснование позиций и решений в карабахском конфликте" //Изменяющееся общество, Ереван, 2001, N 1-2, сс. 62-71.

ԿՈՆՖԼԻԿՏԱՅԻՆ ՀԱՂՈՂԱԿՑՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ԵՎ ՏԵՂԵԿԱՏՎԱԿԱՆ ԱՆՎՈՒՄՆԵՐԸ

Ատենախոսությունը նվիրված է քաղաքական կյանքում և միջազգային հարաբերություններում մշտապես արդիական հիմնահարցերի՝ կոնֆլիկտային հաղորդակցությունների և տեղեկատվական անվտանգության հիմնախնդիրների համալիր ուսումնասիրությանը: “Կոնֆլիկտային հաղորդակցություններ” հասկացության առաջադրումն ու ներմուծումը ժամանակակից քաղաքագիտության հասկացական ապարատի և տեսության մեջ պայմանավորված է արդի քաղաքական հակամարտությունների պայմաններում հաղորդակցման և գործողությունների փոխազդեցության կարևոր դերի բացահայտման անհրաժեշտությամբ:

Կոնֆլիկտային հաղորդակցությունները պայմանավորում են ոչ միայն հակամարտության կարգավորման հնարավորությունները, այլև հակամարտության բուն ընթացքը, մասնակիցների կողմից տեղեկատվական-հաղորդակցական, քարոզչական միջոցների և տեխնոլոգիաների կիրառումը՝ հակառակորդի նկատմամբ մարտավարական և ռազմավարական առավելությունների հասնելու նպատակով: Կոնֆլիկտային հաղորդակցությունների ակտիվ դրսևորումներից է տեղեկատվական պատերազմը, որը ժամանակակից տեղեկատվական հասարակության և տեխնիկական առաջընթացի պայմաններում ուղղորդվում է աննախադեպ մեթոդների կիրառմամբ:

Ատենախոսության մեջ փորձ է արվում ուսումնասիրելու և լուծելու մի շարք տեսական, հայեցակարգային և կիրառական խնդիրներ:

- Տեսական խնդիրներից է ժամանակակից քաղաքական տեսության զարգացումն ու հարստացումը “կոնֆլիկտային հաղորդակցությունների” որպես ուսումնասիրության առանձնահատուկ օբյեկտի ներմուծմամբ, ուսումնասիրությամբ, համապատասխան տեսությունների և միջառարկայական մոտեցումների կիրառմամբ և ներմուծմամբ քաղաքագիտության բնագավառ:

- Տեսական և կիրառական խնդիրներից է աշխատանքում ժամանակակից քաղաքական հակամարտությունների մասնակիցների միջև կոնֆլիկտային հաղորդակցությունների և ուժային փոխազդեցությունների միջև դինամիկ կապերի բացահայտումը, տիպաբանումը և մոդելավորումը, կոնֆլիկտային հաղորդակցությունների և փոխգործողությունների միջև փոխապայմանավորման օրինաչափությունների վերհանումն ու մոդելավորումը: Մի շարք ժամանակակից հակամարտությունների վերլուծության արդյունքում կառուցվել են կոնֆլիկտում հաղորդակցությունների և ուժային փոխգործողությունների միջև փոխապայմանավորման դինամիկ մոդելներ, որոնք արտահայտում են կոնֆլիկտային հաղորդակցությունների ազդեցության տարբերակները կոնֆլիկտում ուժային գործողությունների կիրառման ինտենսիվության, ինչպես նաև հակամարտության ընթացքի և կարգավորման հնարավորությունների վրա: Մշակված դինա-

միկ մոդելները կարող են կիրառվել տարբեր տիպի հակամարտությունների վերլուծության համար:

- Տեսական և հայեցակարգային խնդիրներից է աշխատանքում ազգային անվտանգության հիմնախնդիրների և դրույթների նորովի սահմանումը՝ ելնելով կառուցվածքային ֆունկցիոնալիզմի սկզբունքներից և անվտանգությունը դիտարկելով որպես համակարգի և կառուցվածքի կայունությունը պայմանավորող հատկություն, կամ վիճակ: «Անվտանգության վիճակ» հատկության հիման վրա սահմանվել են անվտանգության ներքին /ներհամակարգային/ և արտաքին /միջավայրային/ սպառնալիքները: Նորովի է սահմանվել նաև «մարտահրավերներ» հասկացությունը՝ որպես տեղեկատվական-հաղորդակցական բնույթի գործոն:

- Աշխատանքում վերհանվել և համալիր վերլուծության են ենթարկվել տեղեկատվական անվտանգության կարևորագույն հիմնախնդիրները, այդ թվում՝ տեղեկատվական պատերազմների վարման ռազմավարությունները, քարոզչության տեխնոլոգիաները: Վերլուծության է ենթարկվել ՀՀ և ԼՂՀ տեղեկատվական անվտանգության հիմնախնդիրների դաշտը, վերհանվել և դասակարգվել են մեր պետությունների և հայ հասարակության տեղեկատվական անվտանգությանը սպառնացող գործոններն ըստ ներպետական, տարածաշրջանային և գլոբալ բնագավառների:

- Աշխատանքի կիրառական խնդիրներից է դարաբաղյան հակամարտության պայմաններում Ինտերնետում հայ-աղբբեջանական տեղեկատվական պատերազմի ռազմավարությունների վերլուծությունը, Աղբբեջանի կողմից իրականացվող տեղեկատվական պատերազմի ռազմավարությունների, կիրառվող միջոցների և տեխնոլոգիաների, լսարանային ուղղվածություն և այլ բաղադրատարրերի բացահայտումը, համալիր վերլուծությունն ու հակազդման համապատասխան գործողությունների իրականացման հիմնավորումը:

- Ատենախոսության տեսակիրառական խնդիրներից է «սահարեկչություն» երևույթի ուսումնասիրությունը որպես ժամանակակից կոնֆլիկտային հաղորդակցությունների անհրաժեշտ բաղադրատարրի: «Սահարեկչության» դերն ու գործառույթները ժամանակակից ՁԼՄ-ներում ատենախոսության մեջ ուսումնասիրվել են՝ քաղաքական հակամարտությունների լուսաբանման ժամանակակից տեխնոլոգիաների վերհանման և վերլուծության համատեքստում:

Ատենախոսության արդյունքները կարող են նպաստել քաղաքագիտության մեջ հակամարտությունների ուսումնասիրման և մոդելավորման բնագավառի զարգացմանը, քաղաքական տեսության հարստացմանը, ինչպես նաև տեղեկատվական ավտանգության հայեցակարգային և կիրառական հիմնախնդիրների լուծմանը:

Atanesyan Artur
Conflict Communications and Informational Security Issues